

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (23)

2015

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тольяттинский государственный университет»

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Хачатуров Рудольф Леонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор

Рвина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Муранова Екатерина Валентиновна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Т.Ю. Пономарева

Технический редактор:
М.А. Муравлева

Адрес редакции: 445667, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vn-tgu-pravo@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.12.2015.
Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная.
Усл. п. л. 6,2.
Тираж 50 экз. Заказ 3-382-15.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445667, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ответственный редактор

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Медведев Валентин Григорьевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия);

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия);

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша);

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия);

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша);

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия);

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая Академия Таллинского университета, Таллин, Эстония);

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша);

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия);

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия);

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия);

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Самара, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ Буторин Леонид Александрович.....	7
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ОБЩИНАХ ЗАПАДНОЙ РОССИИ, ОБЛАДАВШИХ МАГДЕБУРГСКИМ ПРАВОМ В XVI–XVII ВВ. Горшенина Наталья Петровна, Талынева Алевтина Александровна.....	10
О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (СТ. 290, 291, 291.1 УК РФ) Кадакоева Мариет Масхудовна.....	11
О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ Кадакоева Мариет Масхудовна.....	13
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО Калинич Валентина Евгеньевна.....	15
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ИПОТЕКИ В РОССИИ Кирдяпкина Надежда Ивановна.....	18
ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Кот Марина Константиновна.....	20
ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ Моторин Алексей Игоревич.....	22
О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ Мычак Татьяна Владимировна.....	26
СПОСОБЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Николайченко Ольга Викторовна.....	28
ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА XIII–XV ВВ. Оспенников Юрий Владимирович.....	32
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ВСЕ «ЗА» И «ПРОТИВ» Савельева Ольга Юрьевна, Забурдаева Кристина Александровна.....	34
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ Смагина Анастасия Юрьевна.....	36
РЕЦЕПЦИЯ НОРМ ИНОСТРАННОГО ПРАВА В XVI В. В СФЕРЕ РУССКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА Талынева Алевтина Александровна.....	40
ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ПЕРИОД С IX ПО СЕРЕДИНУ XIX В. Федорова Анна Николаевна.....	41
ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА Шутемова Тамара Васильевна.....	44
К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. Ютяева Любовь Евгеньевна.....	46

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ГОРОДСКОГО ПРАВА И СУДЕБНОЙ
СИСТЕМЕ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ XVI В.**

Якушкин Клим Вячеславович, Талынева Алевтина Александровна.....48

Наши авторы.....50

CONTENT

EXCITATION OF CRIMINAL CASE: NEW LEGISLATION, OLD AND NEW PROBLEMS Butorin Leonid Aleksandrovich.....	7
FEATURES OF MANAGEMENT IN CITY COMMUNITIES OF THE MAGDEBOURG RIGHT OF THE WESTERN RUSSIA IN THE 16TH–17TH CENTURIES Gorshenina Natalya Petrovna, Talyneva Alevtina Aleksandrovna.....	10
ABOUT THE PRACTICE OF SENTENCING FOR CRIMES OF CORRUPTION (ARTICLES 290, 291, 291.1 OF THE CRIMINAL CODE) Kadakoeva Mariet Maskhudovna.....	11
ABOUT THE DIVISION OF THE MULTIPLE OFFENSES AND THE CONTINUING CRIMES DURING THE QUALIFICATION OF THE CORRUPTION CRIMES Kadakoeva Mariet Maskhudovna.....	13
LEGAL REGULATION OF THE MODE OF THE JOINT OWNERSHIP OF SPOUSES ON REAL ESTATE Kalinich Valentina Evgenyevna.....	15
THE DEVELOPMENT OF MORTGAGE INSTITUTION IN RUSSIA Kirdyapkina Nadezda Ivanovna.....	18
BUSINESS PRINCIPLES SYSTEMATIZATION LIABLE FOR THE LABOR RIGHTS OF THE RUSSIAN FEDERATION Kot Marina Konstantinovna.....	20
ORGANIZATIONAL AND TACTICAL PROBLEMS OF INTERACTION OF OPERATIVELY-SEARCH AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES Motorin Aleksey Igorevich.....	22
ABOUT THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF CRIMINAL-PROCEDURAL VIOLATION Mychak Tatyana Vladimirovna.....	26
METHODS OF LEGAL EFFECTS IN TERMS OF INTEGRATION CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION Nikolaychenko Olga Viktorovna.....	28
VALUE OF INTERNATIONAL TREATIES FOR STUDYING OF THE RUSSIAN CITY LAW OF THE 13TH–15TH CENTURIES Ospennikov Yuriy Vladimirovich.....	32
FORCED LABOR AS ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT: ALL PROS AND CONS Savelyeva Olga Yurievna, Zaburdayeva Christina Aleksandrovna.....	34
ACTUAL PROBLEMS OF THE CLASSIFICATION OF TAX OFFENSES AND RESPONSIBILITY FOR THEIR COMMISSION Smagina Anastasia Yuryevna.....	36
RECEPTION OF NORMS OF THE FOREIGN LAW IN THE 16TH CENTURY IN THE SPHERE OF THE RUSSIAN CITY LAW Talyneva Alevtina Aleksandrovna.....	40
EVOLUTION OF THE CONCEPT OF OFFENCES DURING THE PERIOD FROM THE 9TH TO THE MIDDLE OF 19TH CENTURY Fedorova Anna Nikolaevna.....	41
PROBLEMS OF TACTICS OF INTERROGATION OF THE ACCUSED BY THE PUBLIC PROSECUTOR UNDER ADVERSARIAL PROCEEDINGS Shutemova Tamara Vasilyevna.....	44
TO THE QUESTION OF THE RECEPTION IN THE RUSSIAN LAW IN THE FIRST QUARTER OF 18TH CENTURY Yutyayeva Lyubov Evgenyevna.....	46

**ABOUT THE SOURCES OF CITY LAW AND JUDICIAL
SYSTEM IN THE WESTERN RUSSIA OF THE 16TH CENTURY**

Yakushkin Klim Vyacheslavovich, Talyneva Alevtina Aleksandrovna.....48

Our authors.....50

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

© 2015

Л.А. Буторин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права
Российский университет кооперации, Мытищи (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право; права личности; первоначальная стадия уголовного процесса; изменения в Уголовно-процессуальном кодексе; новые и старые проблемы стадии возбуждения уголовного дела; доследственная проверка; судебная практика.

Аннотация: В статье показано, что после внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс в стадии возбуждения уголовного дела остаются старые и возникают новые проблемы, в том числе связанные с защитой прав личности, сбором и оценкой доказательств, изменением полномочий должностных лиц и прав других участников этой стадии; нуждаются в совершенствовании доследственная проверка и судебная практика.

Первоначальная стадия уголовного судопроизводства в связи с упорством новаторов и воплощением их чаяний переживает по существу глубокий в более чем полувекovém существовании кризис: «Камо грядеши?». Обострение ситуации обусловлено в том числе изменениями законодательства последних трех-четырёх лет. И практика, и мнения исследователей проблем досудебного уголовного процесса, так или иначе затрагивающие стадию возбуждения уголовного дела, вновь вылились в бурные дискуссии с радикальными подходами к ценности норм этого института и необходимости самого его существования.

Самыми броскими, на наш взгляд, следует признать две позиции. Первая сводится к тому, чтобы максимально расширять и использовать в этой стадии набор следственных действий и других возможных проверочных мероприятий, которые затем становятся доказательствами по уголовному делу. Разновидностью этой позиции, по сути, является призыв к отказу от самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела [1].

Аналогичные мнения высказывались и после 1960 года, то есть с момента введения УПК РСФСР, но в тех условиях они не носили массового характера и стабильности законодательного регламентирования серьезно не угрожали. Например, предложение о производстве судебно-медицинской экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела высказывали Г. Мудьюгин и М. Похис [2]. Возражения могли исходить от авторитетного мнения Института государства и права АН СССР [3].

Вторая позиция консолидирует исследователей, выступающих за разумное изменение законодательства и бережное отношение к тем охранительным ценностям судопроизводства, которые на этапе отсутствия возбужденного уголовного дела не позволяют массивно ограничивать права вводимых в эту стадию гражданских лиц.

В современных условиях авторам первой из вышеназванных точек зрения несколько проще аргументировать мнение, опираясь на законодательство, используя позицию Конституционного Суда Российской Федерации и судебную практику.

Можно отметить, что даже мягкие аргументы о расширении круга лиц в стадии возбуждения уголовного дела в своей перспективе могут оправдывать именно первую точку зрения. Например, не вызывающее принципиальных возражений мнение о том, что для стадии возбуждения уголовного дела предусмотрены специальные субъекты уголовно-процессуальной деятельности, если вести речь о налоговых преступлениях или о преступлениях в сфере экономической деятельности, принадлежит Т.М. Аширбековой [4].

Наряду с этим имеют место и более радикальные предложения – предупреждать опрашиваемых лиц перед получением от них информации об уголовной ответственности за заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), в частности, об этом пишет Ю.А. Ляхов [5]. «Возможность

проведения следователем допроса на стадии доследственной проверки позволит значительно сократить сроки проведения таких проверок и в целом расследования уголовного дела, а значит, будет способствовать скорейшему восстановлению нарушенных прав и укреплению законности на всех стадиях уголовного процесса», полагает А.М. Багмет, оправдывая эту меру оптимизацией процессуальной деятельности [6].

Как представляется, основным условием, на почве которого это стало возможным, явилось принятие Уголовно-процессуального кодекса с недостаточной четкостью выработанной позицией законодателя в отношении статей из глав 19 и 20 УПК РФ и некоторых других, касающихся вопросов доследственной проверки по материалам, имеющим перспективу на принятие процессуального решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. Меняющиеся формулировки закона, доходящие порой до абсолютного изменения подходов к полномочиям должностных лиц, участвующих в этой стадии, привели к тому, что ее законодательное совершенствование действительно стало его полной противоположностью, узким местом для практики и теории, что обусловило рост предложений дальнейшего «совершенствования».

Наиболее серьезные возражения вызвало дознание в сокращенной форме, а именно ряд положений главы 32 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ. Для этой формы дознания сбор процессуально значимой для выдвижения обвинения доказательственной информации, по существу, полностью перенесен в стадию возбуждения уголовного дела.

С критикой в отношении недостаточно аргументированных позиций исследователей о расширении полномочий должностных лиц в этой стадии, и особенно в части расширения объема доказательств, выступили многие исследователи-процессуалисты [7–10]. На наш взгляд, именно эти мнения, высказанные сторонниками взвешенного подхода к оценке положений закона, перспектив его реализации и, соответственно, предложений по совершенствованию, заслуживают поддержки [11].

В их числе особо отметим высказывания профессора С.А. Шейфера, который справедливо отмечает, что положения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ, возрождают так называемое «протокольное производство, от которого законодатель впоследствии отказался ввиду его недемократичности и нарушения гарантий прав и интересов обвиняемого и других участников процесса». Они «неоправданно деформируют постулаты теории доказательств, что приводит к подмене доказывания административными, по сути, приемами познания, смещая его центр на стадию возбуждения уголовного дела» [12].

Можно согласиться с частью предложений исследователей, касающихся, например, производства проверочных мероприятий по налоговым правонарушениям или того, чтобы закон предусмотрел передачу материалов по территориальности, поскольку в настоящее время

нет четкого прохождения таких материалов, затягиваются сроки на принятие решений, создаются условия для укрытия правоохранительными органами преступлений от учета и страдают права заявителей [4; 13].

Высказывания о реальном упразднении стадии возбуждения уголовного дела, несмотря на то что их поддержка, в частности, обусловлена регулярными изменениями порядка проведения последовательной проверки и другими новшествами уголовно-процессуального закона для этой стадии, полагаем несостоятельными и даже опасными.

Автор неоднократно в своих публикациях обращал внимание на то, что стадия возбуждения уголовного дела является специфической частью досудебного процесса. Ее субъекты – это, как правило, должностные лица, уполномоченные законом на проведение проверочных мероприятий, начиная с приема-получения информации о преступлениях. Их права здесь подчинены задаче проверки подлинности повода и установления тех признаков преступления, которых будет достаточно для возбуждения уголовного дела, с одновременным убеждением в отсутствии законных оснований, препятствующих принятию этого решения. Другие участники стадии: заявители, опрашиваемые лица или лица, у которых запрашивается необходимая информация, – если и имеют какие-то препятствия в осуществлении своих прав или защите законных интересов в условиях этой стадии, то в весьма ограниченном варианте принуждения (при очевидности преступления принятие решения о возбуждении дела должно предшествовать такому принуждению или совпадать с ним) [14; 15].

Отдельно полагаем возможным заострить внимание на одном аспекте – роли судебных инстанций в оценке материалов, получаемых в этой стадии, в частности на явке с повинной или иных документах, полученных в конкретных ситуациях при проведении проверочных действий.

Возможно, что лица, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, нуждаются в сочувствии, но пример, опубликованный на страницах Бюллетеня Верховного Суда Российской Федерации, обращает на себя внимание по другой причине. Суть в том, что в качестве доказательства, положенного в основу обвинения по эпизоду хранения наркотического вещества, приведен протокол осмотра места происшествия – жилища. Согласно документу, «осмотр производился с согласия проживавшего в нем Л. (в дальнейшем осужденного), о чем свидетельствует соответствующее заявление от 6 мая 2008 г., а также в присутствии его самого и понятых». В Постановлении Верховного Суда Российской Федерации вывод о законности использования протокола осмотра в качестве источника доказательства обосновывается ссылкой на положение закона – ч. 5 ст. 177 УПК РФ, а также на п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, ст. 177 УПК РФ, согласно которым нет необходимости получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на его осмотр, полученного от лиц, проживающих в этом помещении [16].

Можно было бы констатировать: принято правильное решение. Однако настаивает, что обстоятельство обнаружения при этом осмотре пластикового пакета с белым порошком реально ничем не отличаются от следственного действия – обыска жилого помещения. Можно предположить, что у оперативных работников (они проводили «осмотр») не было достаточно времени для обращения в суд, да и дело, естественно, еще не было возбуждено.

А значит, руководствуясь этим прецедентом, заинтересованные в положительном решении правоохранители под любым предлогом и с помощью не самых корректных средств могут получить желаемое – осмотр места происшествия в жилой квартире или другом помещении.

А особо рьяные сумеют добыть и необходимые улики. Именно в этих слабых сторонах закона и следственно-судебной практики может благодатно произрастать осужденная и якобы искорененная в нашей стране система обвинительного уклона в отношении известной категории участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, размытые границы законодательного положения о следственном осмотре жилого помещения дают возможность для уклонения от установленной процедуры проведения более ответственного для правоохранительного органа следственного действия – обыска и обеспечивают формальный подход к этому вопросу со стороны контролирующего органа – суда. В результате как бы на законном основании намечен путь реализации обвинительного уклона со стороны правоприменителей.

Некоторые моменты судебной практики свидетельствуют и о других не очень четко понимаемых судами назначениях первоначальной стадии уголовного процесса. Анализируя допустимость доказательств, Д.П. Великий справедливо обращает внимание на то, что в оценке явки с повинной у судов нет четкого представления, каким видом доказательств является соответствующий протокол: обвинительным или оправдательным [17, с. 97–98]. Его можно отнести к иным документам (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), так как он получен неследственным путем. В приведенном примере суд так и поступает, рассматривая явку с повинной в качестве допустимого доказательства для избличения виновного. Но с этой ли целью предусмотрен данный повод в ст. 140 УПК РФ? Соглашаясь с автором статьи, заметим, что было бы все-таки точнее остановиться на основной роли протокола о явке с повинной как документа, являющегося поводом к возбуждению уголовного дела. Если дознание и следствие сочтет достаточным выдвигание обвинения против лица, явившегося с повинной, и не будет проверять необходимые версии совершения противоправного деяния, то ошибка может пройти и через суд. А о том, что явки с повинной лишь тактическая уловка оперативных работников для раскрытия дела, возбужденного по другому поводу и т. п., в свое время говорилось достаточно. Не будет лишним иметь в виду и то, что иногда лицо, явившееся с повинной, руководствуется своими мотивированными соображениями, ведущими к сокрытию реального виновника противоправного деяния.

Аналогичная картина подмечена Д.П. Великим в части использования судом в качестве доказательств объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела [17, с. 97]. Приоритеты состязательного процесса, в том числе в части подбора доказательственной базы из стадии возбуждения уголовного дела, и здесь показывают свою слабость и односторонность. Вновь имеет место проявление обвинительного уклона, который суду должен быть противопоставлен изначально.

И все-таки законодателю принадлежит ведущая роль в совершенствовании законодательной базы и создании основ для положительных в плане защиты законных интересов и прав граждан во всей досудебной и судебной процессуальной деятельности по уголовным делам. Но реальные новеллы из УПК РФ (как уже говорилось выше) не могут подтвердить этого положительного вывода, в частности, потому что в тех же поводах к возбуждению уголовного дела не первый год идет некоторое метание: что должно быть поводом, а что основанием к возбуждению уголовного дела. З.И. Брижак и В.Г. Стаценко еще при анализе проекта о введении нового повода высказали принципиальные возражения, касающиеся существа и формы положения, предусмотренного ныне как ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Приходится с сожалением констатировать, что они дали правильную достаточно полную характеристику этой новеллы. Сотрудники органов внутренних дел, других силовых структур теперь могут не волноваться в ожидании материалов о фальсификации документов учета и отчетности финансовой организации: их

подготовка – исключительная прерогатива Центрального банка Российской Федерации либо конкурсных управляющих (ликвидаторов) финансовой организации [18]. Если выше говорилось об обвинительном уклоне на первоначальной стадии, то данный образец работы законодателя несколько отличен: создание сферы деятельности неприкасаемых для правоохранительных органов организаций. Конечно, практика (опыт) подтвердит правильность или ошибочность подходов законодателя к этой новелле. Определенность же в различии повода и основания к возбуждению уголовного дела отходит на второй план или оставлена для учебных курсов по уголовному процессу.

Действительно, в современных условиях, благодаря активности законодателя, нормы, посвященные вопросам проверки сообщений о преступлениях, динамично меняют регулирование отношений в этой стадии, а вместе с ними и значимость полученных в ней материалов. Однако, несмотря на это, есть общие принципы уголовного судопроизводства, следуя которым, на наш взгляд, и в аналитических материалах, и в практике надлежит исходить из того, что полный объем следственных полномочий у должностных лиц и, соответственно, прав и обязанностей у иных участников процесса должен иметь место только после возбуждения уголовного дела. Какие-либо попытки оправдать оптимизацией или ускорением процедур иное, не подтверждаемое следственным путем сохранение доказательственной базы на следующих стадиях дела делает крайне шаткой границу, отделяющую от волюнтаризма, недопустимого в уголовном процессе, от игнорирования прав и свобод человека и гражданина, от изначально формирующегося предвзятого отношения к имевшему место событию и роли его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56–59.
2. Мудьюгин Г., Похис М. Судебно-медицинскую экспертизу – в стадию возбуждения уголовного дела // Социалистическая законность. 1971. № 9. С. 56–59.
3. Савицкий В.М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 83–88.
4. Аширбекова М.Т. Новый порядок возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Законность. 2015. № 1 (963). С. 25–28.
5. Ляхов Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. С. 112.
6. Багмет А.М. О мерах по оптимизации следственных подразделений // Российская юстиция. 2015. № 1.

С. 48–50.

7. Апостолова Н.Н. Реформирование уголовного судопроизводства России необходимо проводить системно и последовательно // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 42–45.

8. Белкин А.Р. Общие условия предварительного расследования: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 8–13.

9. Вершинина С.И. О направлениях реформирования досудебного уголовного процесса // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 53–55.

10. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей. Волгоград: ВолГУ, 2013. С. 22–34.

11. Зайцева Е.А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 50–53.

12. Шейфер С.А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки Тольяттинского университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 160–165.

13. Исмаилов Ч.М. Правовое регулирование вопросов приема, проверки и разрешения сообщений о преступлениях, в том числе связанных с безвестным исчезновением граждан: проблемы и пути совершенствования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 5 (43). С. 82–88.

14. Буторин Л.А. Процессуальные гарантии прав личности и принуждение в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования: сборник научных трудов. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. С. 90–95.

15. Буторин Л.А. О соблюдении принципа демократизации при реализации процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы демократизации предварительного следствия: сборник научных трудов. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. С. 97–101.

16. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 171-П14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 10. С. 22.

17. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 95–100.

18. Брижак З.И., Стаценко В.Г. Некоторые проблемы действия принципа публичности в уголовном процессе // Российский следователь. 2014. № 24. С. 18–21.

EXCITATION OF CRIMINAL CASE: NEW LEGISLATION, OLD AND NEW PROBLEMS

© 2015

L.A. Butorin, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair of common law
Russian University of Cooperation, Mytishchi (Russia)

Keywords: criminal-procedural law; rights of the individual; stage of excitation of criminal case; changes in the Code of Criminal Procedure; old and new problems in the stage of excitation of criminal case; preliminary examination; judicial practice.

Abstract: The article shows that the criminal-procedural legislation is being improved, but old and new problems are in the stage of excitation of criminal case, problems of ensuring the rights of the individual, collection and assessment of evidence, transformation of office of the officers and rights of other participants in this stage, preliminary examination and judicial practice are in need of improvement.

Ключевые слова: городское право; магдебургское право; феодальные платежи; повинности.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности организации управления в городских общинах Западной России, обладавших магдебургским правом в XV–XVII вв., система сборов и повинностей, возлагавшихся на членов городских общин.

Города Западной России в период XVI–XVII вв. постепенно переходят из-под власти Польши и Литвы под власть московских государей, в связи с чем происходит обогащение российского права, включившего в себя некоторые элементы правовой системы, существовавшей на указанной территории на тот момент. Предметом рассмотрения данной статьи являются некоторые особенности управления в городах Западной России, которые пользовались в период XVI–XVII вв. магдебургским правом.

В системе управления городских общин Западной России ключевой фигурой являлся войт. Относительно войтов еще М.Ф. Владимирский-Буданов сделал важное наблюдение: «Хотя форма муниципального управления принесена была в Польшу, Литву и Русь готовой, сложившись окончательно в Силезии, хотя история городского устройства в Польше чрезвычайно бедна движением, тем не менее можно открыть в ней три последовательные ступени: 1) при самом начале власть войта не принадлежит городской общине; 2) потом, по усвоении городской общине власти войта, она управляется замкнутой радой; 3) власть рады ограничивается представительными общинными учреждениями» [1, с. 78].

Здесь следует заметить, что даже в современной украинской литературе обращается внимание на ущемление прав православных при организации городского самоуправления в городах магдебургского права: «Существовали религиозные ограничения при выборах войта. Так, в грамоте на самоуправление городу Стародубу было сказано, что войтом может быть только католик. Это вносило осложнения в жизнь украинских городов, где большая часть населения была православной. В лучшем случае удавалось получить право на выборы в лаву и раду одного-двух православных. Во Львове, например, православные украинцы не имели права занимать ни одной должности и даже жить они могли только в определенной части города, на Русской улице. Так же было в Перемышле, Дрогобыче и некоторых других городах» [2, с. 99–100].

Выше были упомянуты коллегиальные органы управления, которыми являлись рада и лава. Тот же М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в русско-литовских городах рада не была строго отграничена от лавы, то есть коллегии присяжных. Нередко обе коллегии объединялись понятием «магистрат» [1, с. 121]. При этом обычно лаве поручались судебные полномочия, а раде – заведование текущими делами и управление городом.

В целом в развитии городских органов власти отчетливо прослеживается постепенное усиление аристократической тенденции: рада постепенно оттеснила городскую общину от выборов высших должностных лиц, бразды правления окончательно переходят в руки аристократической верхушки города. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, переломным моментом в этом процессе обычно оказывалось приобретение городом войтовства: до этого момента городская община еще могла представлять кандидатов на место выбывающих членов рады, а также на места в лаве; после приобретения войтовства сама рада избирает новых членов

вместо выбывших, она же формирует состав лавы, назначает бурмистров и т. п. Таким образом рада подавляет «общественную самодеятельность, корыстно сосредоточивая власть и богатство городское в руках своих членов, и в большей части городов Литвы и Руси стремится к подавлению русской национальности и православной веры» [1, с. 154].

В этом отношении тенденции эволюции городского права в западнорусских городах соответствовали аналогичным тенденциям развития западноевропейского городского права во Фландрии, Франции, Германии, Италии и др. регионах [3, с. 249–279]. Показательно, что в современной украинской националистической литературе этот процесс становления власти войтов подается в другом аспекте как элемент усиления демократической составляющей городской жизни: «Со временем города выкупают наследственные войтовства, должность становится выборной, с последующим утверждением королем» [2, с. 99].

Помимо установления общих начал самоуправления, жалованные грамоты (привилеи), выдававшиеся городским общинам, существенное внимание уделяли освобождению городов от разного рода сборов и повинностей, действовавших на территории государства. В этом отношении мы можем увидеть много общего с московскими жалованными грамотами, выдававшимися в тот же период (XVI–XVII вв.), но были и существенные отличия [4, с. 6–13].

Зачастую освобождение от определенных сборов обособывалось в каждом конкретном случае: «...для их великого впаду отъ поганства Татаръ, отпустиль имь мыто, вечно, по всему великому князству Литовскому и Рускому и Жомойтскому, сухимъ путемъ и водою...» [5, с. 2]. Подобные примеры раскрывают более общую тенденцию, согласно которой важнейший интерес верховной власти заключался в обеспечении наиболее эффективных путей формирования и поддержания военной силы.

Важно заметить, что освобождение от сборов и повинностей было неполным. В жалованных грамотах специально оговаривались те сборы и повинности, которыми горожане были обязаны в пользу верховной власти: «А къ тому тежь они мають съ того места пререченого давати на нашъ приездъ съ каждого двора по бочке овса, а будеть мало, ино по две, а сена за каждую бочкою по возу. А пашню нашу толокою два дни мають орати и два дни жати. А къ Берестью, въ заставу, мають ходити водле давного обычаю, и ставъ въ месте нашомъ, подъ нашимъ дворомъ, на Волковыи реце, коли ся сказитъ, мають оправляти подле давности. И тежь для тыхъ платовъ и подачокъ, што есмо имь отпустили, мають намъ въ каждый годъ давати по тридцати золотыхъ. А подъ послы и гонцы наши мають на своей недели подводы давати, подле давного обычаю» [6, с. 11].

В данном случае показательно будет провести сравнение с московскими губными и земскими грамотами того же XVI в., в которых царь и великий князь освобождал население соответствующей городской или сельской общины от уплаты сборов и выполнения повинностей, вводя вместо них регулярную выплату денежной ком-

пенсации [7, с. 74–82; 8, с. 92–98]. В польско-литовских жалованных грамотах рассматриваемого типа на городские общины возлагается аналогичная регулярная денежная выплата, но при этом сохраняется и ряд натуральных платежей и повинностей, в том числе такая архаичная, как барщина («А пашню нашу толокою два дни мають орати и два дни жати»).

Как правило, отдельно оговаривалась обязанность членов городской общины нести военную службу в пользу верховной власти: «А мещаномъ Волковыйскимъ велель его милость на службу свою, на войну, ходити, водле уставы, какъ и зъ иныхъ мечь» [6, с. 11].

Относительно повинностей, налагавшихся на городские общины в связи с предоставлением магдебургского права, В.Б. Антонович отметил, что чем сильнее сохранялись общинные начала в данной местности, тем больше налагались военные повинности, и напротив – чем сильнее городская община была ущемлена феодалами и военно-служилым сословием, тем больше она вместо военных повинностей выплачивала денежных взносов в пользу верховной власти [9, с. 15].

Попытки систематизации сборов и повинностей, возлагавшихся на городские общины в связи с предоставлением магдебургского права, дают следующие их разновидности: 1) обязательство выставлять ополчение; 2) обязательство защищать городские укрепления и замок, содержать постоянную стражу в этих укреплениях; 3) обязательство возводить и содержать в исправности замковые и городские укрепления, снабжать их оружием и припасами; 4) содержать «полевую сторожу» на границах земельных владений, посылать караулы на границы; 5) доставлять подводы во время военных походов; 6) предоставлять подводы для великокняжеских и королевских послов, гонцов, иностранных послов, сопровождать их в качестве конвоя, давать им квартиру и содержание; 7) выплачивать натурой или деньгами определенные подати князю и старосте (воеводе, наместнику) [9, с. 15–16].

Общая тенденция в изменении состава повинностей и платежей определялась, как справедливо указывал В.Б. Антонович, тем, что общинное ополчение традици-

онно действовало в пределах своей земли, и вообще «не могло представлять гибкости и подвижности, не могло поддаваться в такой степени централизации сил и управления, какая нужна была для военного дела» [9, с. 17].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
2. Музыченко П.П. История государства и права Украины. Киев: Знание, 2008. 588 с.
3. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Социально-экономическая литература, 1960. 351 с.
4. Оспенников Ю.В. К вопросу о трактовке жалованных грамот // Право и государство: теория и практики. 2015. № 1 (121). С. 6–13.
5. Жалованная подтвердительная грамота литовского великого князя Сигизмунда киевским мещанам 1506 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848. Т. 2, № 3. 585 с.
6. Жалованная подтвердительная грамота Волковийским мещанам на магдебургское право и разные льготы 1507 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848. Т. 2, № 13. 585 с.
7. Оспенников Ю.В. Губные грамоты XVI в. // Памятники российского права. В 35 т. Т. III, Кн. I: Памятники права Московского государства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 74–82.
8. Оспенников Ю.В. Губные и земские грамоты в системе источников права XVI в. // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Международной научно-практической конференции. Тольятти: ТГУ, 2013. С. 92–98.
9. Архив Юго-Западной России. Ч. 5. Т.1. Киев: Унив. Тип., 1869. 637 с.

FEATURES OF MANAGEMENT IN CITY COMMUNITIES OF THE MAGDEBOURG RIGHT OF THE WESTERN RUSSIA IN THE 16TH–17TH CENTURIES

© 2015

N.P. Gorshenina, cadet

A.A. Talyneva, cadet

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: city law; Magdebourg right; feudal payments; duties.

Abstract: In article features of the organization of management of the city communities of the Western Russia which had the Magdebourg rights in the 16th–17th centuries, system of the collecting and duties assigned to members of city communities are considered.

УДК 343.352.4

О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (СТ. 290, 291, 291.1 УК РФ)

© 2015

М.М. Кадакоева, кандидат юридических наук, судья
Верховный Суд Республики Адыгея, Майкоп (Россия)

Ключевые слова: коррупция; преступление; наказание; штраф; конфискация.

Аннотация: На примерах уголовных дел, рассмотренных судами Республики Адыгея, автор рассматривает проблемы назначения наказания за преступления коррупционной направленности.

Санкции ст. 290 («Получение взятки»), 291 («Дача взятки»), 291.1 («Посредничество во взяточничестве») Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в настоящее время предусматривают такие виды наказаний, как штраф, исправительные работы, лишение

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, принудительные работы и лишение свободы.

Использование кратности по отношению к сумме взятки для установления размера штрафа, введен-

ное в санкции ст. 290, 291, 291.1 УК РФ с 17.05.2011 Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции», вызвало оживленные дискуссии в юридической научной среде и определенные затруднения в применении штрафа на практике.

К наиболее существенным проблемным вопросам можно отнести следующие:

- можно ли считать данный штраф продолжением политики гуманизации наказания, или с учетом практики назначения и ее эффективности данное направление уголовно-правовой политики следует рассматривать в русле усиления мер борьбы с коррупционными преступлениями и ужесточения наказаний, то есть как возврат к прошлому [1, с. 45];

- соответствует ли цели предупреждения совершения новых преступлений наказание, которое лишает осужденного средств к существованию [1, с. 45];

- может ли сам процесс уплаты штрафа, кратного сумме взятки, за счет имущества, нажитого коррупционным путем, быть расценен как преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» [1, с. 47];

- по масштабу материальных взысканий кратный штраф может вплотную приближаться к конфискации имущества, но критерии моделирования конфискации и штрафа разные [2, с. 88];

- кратный штраф не может быть эффективнее других видов наказания, ранее применяемых за взяточничество, поскольку плохо согласуется с целями наказания за эти преступления [2, с. 89];

- механизм исчисления кратного штрафа усложнен, так как законодатель предложил одновременно пользоваться тремя переменными: суммой взятки и кратностью взятки по отношению к этой сумме; пределами кратности в санкции статьи Особенной части; минимальным и максимальным размером кратного штрафа, предусмотренным в статье Общей части [2, с. 89];

- исходя из механизма исчисления кратного штрафа, минимальная сумма получения простой взятки должна быть не менее 1 000 рублей, а минимальные суммы при даче взятки и посредничестве во взяточничестве – соответственно 1 666 и 1 250 рублей, в то же время максимальный размер особо крупной взятки не должен превышать 6 250 000 рублей [2, с. 89–90] и др.

Изучение уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, рассмотренных судами Республики Адыгея (далее – РА), показало, что в качестве основного вида наказания суды назначали лишение свободы и штраф, в качестве дополнительных наказаний назначались лишение специального звания, лишение права занимать определенные должности.

Кратность, применяемая судами РА при назначении штрафа, составляла, как правило, величину, приближенную к минимальной предусмотренной санкцией соответствующей нормы уголовного закона. В то же время обобщение показало, что в некоторых случаях суды при назначении наказания в виде штрафа не указывают в приговоре коэффициент кратности при назначении штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета взятки, что нельзя признать правильным.

Так, по приговору Тахтамукайского районного суда от 16.06.2013 О.Ш.О. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ и приговорен к штрафу в размере 60 000 рублей [3], по приговору Майкопского районного суда от 15.04.2013 З.О.В. осужден по ч. 3 ст. 291, 290 УК РФ и приговорен к штрафу в размере 300 000 рублей [4], при этом коэффициент кратности не указан ни в описатель-

но-мотивировочной, ни в резолютивной части приговоров.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не может быть менее 25 000 рублей и более 500 000 000 рублей. Однако по приговору Гиагинского районного суда Б.В.П. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, и приговорен к штрафу в размере 10 000 рублей, то есть ниже минимального размера, установленного ч. 2 ст. 46 УК РФ, что представляется неверным, поскольку штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме взятки, не может быть менее 25 000 рублей, даже со ссылкой на ст. 64 УК РФ [5].

Размер штрафа, назначенный по изученным уголовным делам, варьируется от минимального – 25 000 рублей – до сотен тысяч рублей. Максимальный размер штрафа назначен по приговору Майкопского городского суда от 27.12.2013 в отношении А.Э.В., осужденной к штрафу в размере 2 350 000 рублей [6].

Из дел, по которым осужденным назначено основное наказание в виде штрафа, четырнадцать осужденными (38 %) штраф уплачен. По шести делам в отношении семи лиц (25 %) осужденным предоставлена рассрочка уплаты штрафа, из них по двум уголовным делам рассрочка уплаты штрафа предоставлена по приговору, по остальным рассрочка предоставлена по ходатайствам осужденных в порядке исполнения приговоров. В отношении одного лица (3,5 %) по одному уголовному делу предоставлена отсрочка уплаты штрафа. В отношении шести лиц (21,5 %) по шести уголовным делам исполнительные листы и копии приговоров направлены в службу судебных приставов для принудительного исполнения, однако каких-либо сведений об исполнении службой судебных приставов в суды не представлено.

Вопрос о замене штрафа другим видом наказания ставился в отношении одного лица (3,5 %). Так, постановлением Гиагинского районного суда от 24.06.2014 в отношении К.Н.А. наказание в виде штрафа в размере 193 500 рублей по ходатайству судебного пристава – исполнителя заменено на лишение свободы сроком на 1 год 6 месяцев со штрафом в размере 30-кратной суммы взятки в размере 193 500 рублей в связи со злостным уклонением К. от уплаты штрафа [7].

В целом можно отметить, что суды РА относительно взвешенно подходили к вопросу назначения наказания в виде штрафа за совершение коррупционных преступлений.

20.03.2015 вступил в силу Федеральный закон от 08.03.2015 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены изменения в санкции ч. 1 ст. 290 и ч. 1 и 2 ст. 291 УК РФ, исправляющие ряд недостатков прежней санкции. В частности, в санкцию ч. 1 ст. 290 УК РФ добавлен штраф до 1 000 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, уменьшена нижняя граница кратности штрафа от суммы взятки с 25 до 10, введена 10-кратная граница кратности штрафа от суммы взятки при назначении штрафа в совокупности с лишением свободы. Полагаем, что указанные изменения позволят более эффективно применять санкции за получение и дачу взятки.

Заслуживает внимания вопрос о применении конфискации в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления. По действующему УК РФ конфискация выступает как иная мера уголовно-правового характера, а не как вид наказания.

С.Ю. Бытко пишет, что формальное установление максимального размера штрафа всегда будет играть

роль барьера, надежно ограждающего наиболее богатых чиновников от уголовного преследования, а разница в санкциях ст. 159 и 290 УК РФ всегда оставляет лазейку для сохранения незаконно нажитого имущества. Он предлагает вернуть конфискацию имущества как вид наказания и назначать ее в качестве обязательного наказания за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, а также совершение мошенничества при отягчающих обстоятельствах [8, с. 138].

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2012 году судебные решения о конфискации имущества по коррупционным делам были приняты в отношении 271 осужденного (в 2011 году – в отношении 112 осужденных), в 53 субъектах РФ суды не принимали решений о конфискации имущества. Генеральный прокурор Ю.Я. Чайка, обратившись с докладом в Совет Федерации, предложил рассмотреть «возможность конфискации имущества и у членов семьи осужденного, если будет установлено, что оно получено преступным путем» [9].

Таким образом, успешное достижение целей наказания за совершение коррупционных преступлений зависит не только от правоприменителя, но в большей степени от законодателя, реализующего уголовную политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия Тульского государственного

университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2. С. 43–49.

2. Бурлаков В.Н., Пряхина Н.И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85–95.

3. Уголовное дело по обвинению О.Ш.В. по ч.3 ст.30, ч.3 ст.290 УК РФ // Архив Тахтамукайского районного суда РА. 2013.

4. Уголовное дело по обвинению З.О.В. по ч.3 ст.291, 290 УК РФ // Архив Майкопского районного суда РА. 2013.

5. Уголовное дело по обвинению Б.П.В. по ч.3 ст.30, ч.3 ст.290 УК РФ // Архив Гиагинского районного суда РА. 2013.

6. Уголовное дело по обвинению А.Э.В. по ч.3 ст.290, ч.1 ст.292 УК РФ // Архив Майкопского районного суда РА. 2013.

7. Уголовное дело по обвинению К.Н.Д. по обвинению по ч.1 ст.291 УК РФ // Архив Гиагинского районного суда РА. 2013.

8. Бытко С.Ю. Взятничество: оценка эффективности уголовного наказания // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 137–142.

9. Чайка предложил конфисковывать неправедно нажитое имущество у семей осужденных // Право.ru: справочно-правовая система. URL: pravo.ru/news/view/84450/.

ABOUT THE PRACTICE OF SENTENCING FOR CRIMES OF CORRUPTION (ARTICLES 290, 291, 291.1 OF THE CRIMINAL CODE)

© 2015

M.M. Kadakoeva, candidate of legal sciences, Judge
Supreme Court of the Republic of Adygea, Maikop (Russia)

Keywords: corruption; crime; punishment; fines; confiscation.

Abstract: On examples of criminal cases yandled by the courts of the Republic of Adygea, the author considers the problem of sentencing for crimes of corruption.

УДК 343.352.4

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2015

M.M. Kadakoeva, кандидат юридических наук, судья
Верховный Суд Республики Адыгея, Майкоп (Россия)

Ключевые слова: коррупция; преступление; совокупность преступлений; продолжаемое преступление; квалификация преступлений.

Аннотация: На примерах уголовных дел, рассмотренных судами Республики Адыгея, автор исследует проблемы разграничения совокупности преступлений и продолжаемых преступлений при квалификации преступлений коррупционной направленности.

Проблема разграничения совокупности преступлений и продолжаемых преступлений не нова, но она вновь и вновь привлекает внимание практиков и ученых, определяющих критерии такого разграничения. Правильная квалификация деяния очень важна для применения правил назначения наказания (например, ст. 69 УК РФ устанавливает особенности назначения наказания при совокупности преступлений). Современное уголовное законодательство дает понятие совокупности преступлений как совершения двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено (ст. 17 УК РФ). Понятие продолжаемого преступления дано высшими судебными инстанциями как в целом («преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление» – п. 2 Постановления 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям»), так

и применительно и к отдельным составам преступлений:

- «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление» (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» (в ред. от 03.03.2015));

- «в том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений» (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27.12.2007 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»);

- «от совокупности преступлений следует отличать

продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе. Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом. Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получены или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц. Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений.

Если общая стоимость полученных должностным лицом имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера превышает двадцать пять тысяч рублей, сто пятьдесят тысяч рублей либо один миллион рублей, то содеянное может быть квалифицировано как получение взятки соответственно в значительном, крупном либо особо крупном размере лишь в том случае, когда принятие всех ценностей представляло собой эпизоды единого продолжаемого преступления» (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 03.12.2013));

- «в тех случаях, когда несколько изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица и обстоятельства их совершения свидетельствовали о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 04.12.2014 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

В приведенных положениях постановлений Пленумов Верховного Суда РФ четко прослеживается правая позиция о едином умысле на совершение нескольких деяний как основном критерии отграничения продолжаемого деяния от совокупности преступлений.

Исследуя единство умысла как признак продолжаемого хищения, Н.В. Вишнякова пишет, что о единстве умысла могут свидетельствовать единый источник (он выступает обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя), один и тот же способ (в том числе одинаковой по составу группой лиц по предварительному сговору), средства совершения преступления, и указывает, что судебная практика идет по пути признания не только конкретизированного, но и неконкретизированного (неопределенного) умысла единым и рассматривает его в качестве признака продолжаемого преступления. Единый неопределенный умысел усматривается, когда виновный на момент совершения первого из преступных действий точно не знает, сколько и что конкретно он похитит в дальнейшем, но при этом осознает, что будет совершать такие действия, пока есть возможность, пользуясь бесконтрольностью, отсутствием учета, используя иные благоприятные для этого условия (служебное положение, доверие потерпевшего) [1, с. 19].

При квалификации нескольких эпизодов получения взятки и решения вопроса, будет ли это совокупность

преступлений или продолжаемое преступление, необходимо оценивать умысел взяткополучателя по отношению не только к содержанию, но и к количественной персонализации действий в интересах дающего (дающих) взятку лично или через посредников.

Так, Майкопским городским судом незаконные действия руководителя по профессиональной внебюджетной подготовке ГБОУ НПО «Профессиональный лицей № 2» А., которая в обход установленного законом порядка, без прохождения обучения и сдачи необходимых экзаменов, получила взятки в виде денежных средств: 16.03.2012 г. от П. в сумме 15 000 рублей; 14.03.2012 г. от посредника Б. в интересах Г. в сумме 15 000 рублей; 29.03.2012 г. от посредника Б. в интересах Т. в сумме 15 000 рублей; 03.05.2012 г. от Ф. в сумме 20 000 рублей; 10.10.2011 г. от Л. в сумме 20 000 рублей; в период времени с 03.10.2011 по 30.03.2012 г. от П. в сумме 21 000 рублей; 11.10.2011 г. от М. в сумме 20 000 рублей; 16.03.2012 г. от К. в сумме 20 000 рублей; 16.03.2012 г. от Ж. в сумме 15 000 рублей; 16.03.2012 г. от К. в сумме 21 000 рублей; примерно с 09.03.2012 до 15.03.2012 г. от посредника Б. в интересах П. в сумме 25 000 рублей; 21.03.2012 г. от К. в сумме 20 000 рублей; 05.06.2012 г. от Г. в сумме 2 000 рублей; в начале июня 2012 г. от посредника Б. в интересах П. в сумме 10 000 рублей; 05.04.2012 г. от А. в сумме 20 000 рублей; 23.04.2012 г. от Д. в сумме 15 000 рублей; 27.04.2012 г. от Ф. в сумме 20 000 рублей; 14.05.2012 г. от посредника Б. в интересах З. в сумме 15 000 рублей; 10.07.2012 г. от посредника Б. в интересах М. в сумме 5 000 рублей; 08.10.2012 или 09.10.2012 г. от К. через Д. и посредника П., действовавшего за вознаграждение в размере 1 000 рублей, в сумме 15 000 рублей; 08.10.2012 или 09.10.2012 г. от К. через Д. и посредника П., действовавшего за вознаграждение в размере 1 000 рублей, в сумме 15 000 рублей; 08.10.2012 или 09.10.2012 г. от П. через Д. и посредника П., действовавшего за вознаграждение в размере 1 000 рублей, в сумме 15 000 рублей; 22.01.2013 г. от З. в сумме 20 000 рублей, в конце ноября 2012 г. от К. в сумме 21 000 рублей; 21.11.2012 г. от Б. в сумме 15 000 рублей; 13.11.2012 г. от Ч. в сумме 20 000 рублей; 21.12.2012 г. от П. в сумме 20 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Х., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г., около 11 ч 20 мин, от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Б., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах К., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Б., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах У., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Н., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Б., в сумме 15 000 рублей; 20.03.2013 г. от Д. и при посредничестве П., действовавших в интересах Н., в сумме 15 000 рублей – за выдачу подложных свидетельств об уровне квалификации «Машинист бульдозера», «Машинист экскаватора», «Водитель погрузчика», «Электрогазосварщик 4-го разряда» на имена взяткодателей, были квалифицированы как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, поскольку получение, в том числе через посредника, взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (акт бездействия), содеянное образует совокупность преступлений [2].

Аналогичная квалификация была дана Майкопским городским судом действиям Т., осужденного за совершение 24 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, который, являясь главным специалистом инже-

нером-инспектором гостехнадзора, за взятки, в нарушение требований закона, выдавал удостоверения тракториста-машиниста лицам, не прошедшим обучение по специальности «тракторист-машинист» и не сдававшим квалификационный экзамен в соответствии с установленным порядком [3].

Подобная квалификация преступления, полагаем, является правильной, поскольку, несмотря на тождественность (одинаковость) действий должностных лиц в отношении ряда взяточдателей, совершенных в сравнительно близкое время, эти незаконные действия были произведены персонально в отношении каждого взяточдателя, имевшего личный интерес, источниками взяток выступали личные средства каждого из взяточдателей.

В свете изложенного представляется некорректной оценка М.А. Подгрушным квалификации действий ассистента Омского вуза Т. Романенко, данной органами предварительного следствия. По версии следствия, 8 и 20 июня 2012 г. ассистент кафедры Романенко, действуя в нарушение установленного порядка осуществления контроля знаний студентов, получила от 10 студентов через посредников в виде взяток в общей сложности 10 000 рублей за выставление оценок «зачтено» по дисциплине «Ландшафтоведение» по результатам промежуточной (семестровой) аттестации, без фактического выполнения расчетно-графических работ по данной дисциплине, и внесла заведомо ложные сведения о сдаче зачета в зачетные ведомости, журнал учета посещаемости и текущей успеваемости студентов кафедры, а также в зачетные книжки студентов. Как видно, преступление совершалось в течение двух дней в отношении одной группы, результат был направлен на получение студентами положительных промежуточных данных текущего контроля. По мнению М.А. Подгрушного, подобная квалификация совокупности действий виновной представляется несколько спорной, так как ее умысел направлен на получение 10 000 рублей за проставление в зачетные книжки студентов всей группы положительного результата, т. е. на 10 000 рублей от всей группы. В данной ситуации следствие должно было квалифицировать деяние

как направленное на реализацию единого умысла, а не на 10 различных преступных эпизодов. Действия имели место не в отношении учебной группы как единого целого, а в отношении каждого из десяти студентов, входивших в учебную группу, имевших сходный интерес в получении зачета (проставление сведений о сдаче зачета в отношении каждого из студентов-взяточдателей в зачетной ведомости, журналах, зачетной книжке каждого студента) и давших через посредника каждый одинаковую сумму – 1 000 рублей.

На наш взгляд, М.А. Подгрушный не учел того, что действия по оформлению незаконного зачета имели место не в отношении учебной группы как единого целого, а в отношении каждого из десяти студентов, входивших в учебную группу, имевших сходный интерес в получении зачета (проставление сведений о сдаче зачета в отношении каждого из студентов-взяточдателей в зачетной ведомости, журналах, зачетной книжке каждого студента) и давших через посредника каждый одинаковую сумму – 1 000 рублей.

Таким образом, при совокупности коррупционных преступлений умысел взяточполучателя реализуется хотя и в тождественных, но персонализированных действиях в интересах каждого из взяточдателей, а в случае продолжаемого взяточничества осуществляется реализация единого умысла через тождественные действия в интересах одного взяточдателя или одно действие в отношении группы взяточдателей, преследующих через дачу взятки один общий интерес для всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишнякова Н.В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 16–19.
2. Уголовное дело 1-548/2013 – по обвинению А. по ст.290 УК РФ // Архив Майкопского городского суда Республики Адыгея.
3. Уголовное дело 1-174/2013 – по обвинению Т. по ст.290 УК РФ // Архив Майкопского городского суда Республики Адыгея.
4. Подгрушный М.А. Проблемы квалификации совокупности эпизодов взяточничества в теории и судебной практике // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 72–75.

ABOUT THE DIVISION OF THE MULTIPLE OFFENSES AND THE CONTINUING CRIMES DURING THE QUALIFICATION OF THE CORRUPTION CRIMES

© 2015

M.M. Kadakoeva, candidate of legal sciences, Judge
Supreme Court of the Republic of Adygea, Maikop (Russia)

Keywords: corruption; crime; multiple offenses; continuing crimes; qualification of a crime.

Abstract: On examples of criminal cases yandled by the courts of the Republic of Adygea, the author considers the problem of division of the multiple offenses and the continuing crimes during the qualification of the corruption crimes.

УДК 347.627.2.03

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

© 2015

В.Е. Калинин, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правовое регулирование; совладение; недвижимость; брачный договор; раздел имущества.

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы большинства граждан, вступающих в брак, являющихся участниками отношений общей совместной собственности. Одним из наиболее ценных видов имущества, входящего в состав совместной собственности супругов, является недвижимость. В законодательстве отсутствует прямое указание на вид права собственности недвижимости, приобретенной одним из супругов на заемные средства или по договору пожизненного содержания с иждивением (или ренты). Кроме того, существует проблема несоответствия правоподтверждающих документов на недвижимость законному режиму имущества супругов. В литературе нет единого мнения по вопросам пользования и распоряжения совместной недвижимостью супругов, в частности квалификации действий супруга по сдаче внаем общей недвижимости.

Под правом общей собственности традиционно понимается право нескольких человек вместе и по своему усмотрению пользоваться и распоряжаться имуществом, которое им принадлежит, на доверительной основе.

Установленный законом для супругов режим совместной собственности их имущества, который принято называть законным режимом, может быть изменен супругами до вступления в брак либо в его процессе

путем составления специального соглашения – брачного договора. Изменныйный супругами режим общей собственности в соответствии с условиями и порядком, предусмотренным Семейным кодексом РФ, принято называть договорным режимом имущества супругов.

Самый распространенный вариант возникновения совместной собственности, предусмотренный Гражданским кодексом РФ, – это совместная собственность супругов (ст. 256 ГК РФ). Таковой является только квартира, приобретенная в период брака. Здесь стоит подчеркнуть, что речь идет лишь о недвижимости, которая досталась семье в результате так называемых возмездных сделок. Если квартира досталась одному из супругов по наследству либо же по договору дарения, она признается частной собственностью одного этого супруга [1].

Правда, если второй супруг внес существенные улучшения в подаренное или унаследованное жилище, такое имущество уже будет считаться совместным. При этом в Семейном кодексе четко оговорено, что улучшения и изменения должны в значительной степени увеличивать стоимость имущества. Правда, нередко, желая сохранить имущество каждого из них в изначальном виде, супруги подписывают специальное соглашение.

Стоит сразу отметить, что общность имущества в совместной собственности выражена в большей степени, чем в долевой собственности. Все владельцы имущества пользуются и распоряжаются им вместе, если иной вариант не предусмотрен таким документом, как взаимное соглашение всех собственников.

К примеру, если требуется продать квартиру, которая находится в совместной собственности супругов, то во время сделки должны присутствовать оба, а если один из собственников по какой-то причине не может появиться лично, то в этом случае, согласно ст. 35 СК РФ, требуется его нотариально заверенное согласие. Кроме того, если квартира находится в совместной собственности, сделку можно провести лишь в отношении всей ее целиком – продать лишь свою долю без предварительного ее официального выделения никто не может [2].

Важно понимать: если сделка совершалась тем из сособственников, кто, по их более ранней договоренности, не имел на это права, а вторая сторона должна была знать об этом, такое соглашение уже нельзя оспорить. Ведь контрагенты абсолютно не обязаны вникать во внутренние отношения тех, кто владеет имуществом на правах совместной собственности.

Раздел совместного имущества супругов может происходить в результате:

- заявления одного из супругов или заявления обоих супругов:

а) в момент существования брака (например, один из супругов захотел подарить часть своего имущества своим детям или сделать пожертвование);

б) при расторжении брака;

в) после развода;

- заявления кредитором требования о разделе общего имущества супругов для обращения взыскания на долю должника, которым является один из супругов;

- смерти одного из супругов, когда на имущество умершего претендует не только его супруг, но и третьи лица. Такие случаи рассматриваются судом, и при подаче заявления истцом судья должен принять меры к обеспечению иска.

Супруги сами выбирают способ, с помощью которого будут распределять имущество между собой. Они могут сделать это сами, а могут прибегнуть к помощи компетентного органа – суда. В суд подается заявление о разделе имущества в том случае, когда стороны не могут договориться об этом сами, и между ними возникает спор.

Говоря о разделе имущества в целом, хочется сказать, что он, прежде всего, олицетворяет собой окончание общей совместной собственности, является момен-

том ее прекращения, в результате которого каждый из супругов приобретает право собственности на какую-то конкретную часть этого имущества и становится единоличным собственником этой части.

Не всегда имущество в силу его себестоимости можно распределить в равных долях между супругами, поэтому возможен и такой вариант, когда одному из супругов передается доля имущества, превышающая долю другого супруга. Это может быть связано с тем, что имущество (например, кожаный диван, автомобиль) невозможно разделить, не нарушая его целостность и назначение. В данном случае супругу, у которого доля будет меньше, лицу, которому досталась большая часть имущества, должно будет выплатить соответствующую компенсацию в денежном эквиваленте или иной форме.

Согласно ст. 133 ГК РФ, неделимой вещью признается та вещь, раздел которой в натуре невозможен без изменения ее назначения и нанесения большого ущерба ее хозяйственной функции. Здесь главное – правильно отличить неделимую вещь от делимой. Последняя при ее делении может выполнять свою главную функцию, пусть и не всегда в полном объеме. Так, примером может служить поделенная между сособственниками двухкомнатная квартира. В первоначальном виде одна комната предназначалась для зала, другая – для спальни. При делении ее между супругами в результате развода находящиеся в ней комнаты также продолжают выполнять свою первоначальную функцию, т. е. предназначены для проживания людей, однако их второстепенное значение изменилось: они считаются не совместным местом проживания супругов, а изолированным жилым помещением каждого из них.

Нередко у супругов возникает желание стать индивидуальными владельцами какого-либо объекта недвижимости, являющегося их совместной собственностью. Как это лучше сделать и возможно ли это осуществить путем дарения недвижимого имущества одним из супругов другому? Ведь при таком переформатировании необходимо учитывать и правила государственной регистрации, и правила регистрации перехода права собственности, а также установленный законом режим общего имущества супругов.

При оформлении договора дарения имеются свои особенности. Так, чтобы совершить договор дарения, например, квартиры, в первую очередь необходимо прекратить режим общей совместной собственности супругов на указанное имущество и выделить каждому супружескую долю, поскольку только при переводе из совместной собственности в долевую супруг (супруга) может распорядиться этой долей.

В противном случае без прекращения режима совместной собственности дарение невозможно, поскольку имеет место совпадение лиц на стороне дарителя и одаряемого.

Одним из вариантов изменения режима совместной собственности, предусмотренных Семейным кодексом РФ, является раздел общего имущества супругов путем заключения между ними соглашения, которое по желанию может быть нотариально удостоверено. При этом раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

Также супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установив режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов, заключив брачный договор, т. е. соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения [3].

При этом брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации брака, так и в любое время в период брака. Брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удосто-

верению [4].

Режим общей совместной собственности с юридической точки зрения означает, что супруги на равных началах, по взаимному согласию осуществляют правомочия собственников по владению, пользованию и распоряжению таким имуществом. Поэтому в семейном праве действует еще одна презумпция – о согласии на сделку с третьим лицом по поводу распоряжения совместным имуществом, совершенную одним из супругов, со стороны другого супруга. Это предположение сформулировано в п. 2 ст. 35 СК РФ следующим образом: «При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга». Следовательно, должна считаться действительной сделка, совершенная одним из супругов без согласия другого, пока указанное предположение не будет опровергнуто [5].

Гарантией защиты имущественных прав и интересов супруга, не давшего согласия на заключение другим супругом такой сделки, является предоставленное ему право оспаривать ее в суде именно по мотиву отсутствия своего согласия. В целях стабильности гражданского оборота семейное законодательство закрепляет соответствующие гарантии для третьего лица – контрагента другого супруга, совершившего эту сделку. Суд может признать ее недействительной только в случае, если будет доказано, что третье лицо, сторона в сделке, знала или должна была знать о несогласии другого супруга на совершение подобной сделки (ч. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ).

Напротив, приобретенное супругами во время брака имущество становится общим, даже если другой супруг возражал против его приобретения. Если же с приобретением имущества семьей были понесены расходы, несоизмеримые стоимости приобретенного имущества, в последующем при разделе общего имущества доля супруга, израсходовавшего таким образом общее имущество в ущерб интересам семьи, может быть уменьшена судом на основании п. 2 ст. 39 СК РФ.

Некоторые виды имущества могут отчуждаться одним из супругов только при наличии выраженного в нотариальном порядке согласия на сделку со стороны другого супруга. Так, для совершения супругом сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получение согласия со стороны другого супруга (ч. 1 п. 3 ст. 35 СК РФ). Если такое согласие не было получено, последний вправе по суду требовать признания сделки, совершенной другим супругом, недействительной. По этим требованиям установлен годичный срок исковой давности, который начинается течь со дня, когда другой супруг узнал или должен был узнать о совершении такой сделки (ч. 2 п. 3 ст. 35 СК РФ).

Таким образом, наиболее целесообразным способом изменения режима совместной собственности супругов

при отсутствии между ними спора является оформление раздела имущества соглашением, а также путем заключения брачного договора, поскольку такие документы впоследствии будут являться основанием для государственной регистрации права и изменения режима совместной собственности на недвижимое имущество.

В связи с вышесказанным, хотелось бы акцентировать внимание на том, что пока имущество супругов является совместным, супруг, на которого записано все имущество, не может ограничивать в правах пользования, владения и распоряжения имуществом другого супруга, права которого не зарегистрированы. Именно это и предусмотрено в ч. 1 ст. 35 СК РФ.

Более того, супруг, на чье имя зарегистрировано имущество, не только не может ограничивать другого супруга, но и не может каким-либо образом отчуждать, в том числе и дарить, это имущество третьему лицу без согласия другого супруга.

Согласие супруга на отчуждение совместного имущества оформляется нотариально, как это и предусмотрено ч. 3 ст. 35 СК РФ.

Особую сложность для понимания представляют случаи приобретения доли в праве собственности на недвижимое имущество одним из супругов в период брака. Правовая конструкция, в которой доля в праве собственности одновременно является неразделенной совместной собственностью супругов, кажется противоречащей основам гражданского законодательства (ст. 244 ГК РФ). Между тем сама практика развития гражданских правоотношений дает ответ на вопрос о возможности существования такой правовой конструкции. При регистрации права совместной собственности супругов на объекты жилищных прав в составе многоквартирных домов по закону в собственность (совместную) переходит доля в праве на общее имущество (ст. 36 ЖК РФ) [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Содержание брачного договора. М.: Статут, 2008. 14 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» / под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2013. 314 с.
6. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 188-ФЗ, от 29.12.2004 г. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1, Ч. 1. Ст. 14.

LEGAL REGULATION OF THE MODE OF THE JOINT OWNERSHIP OF SPOUSES ON REAL ESTATE

© 2015

V.E. Kalinich, graduate student of Chair “Civil Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal regulation; joint ownership; real estate; marriage contract; severance.

Abstract: In the article problems of most of the citizens marrying, being participants of the relations of the general joint property are considered. One of the most valuable types of the property which is a part of joint property of spouses is the real estate. In the legislation there is no direct indication by sight of the property right of the real estate acquired by one of spouses on borrowed funds or under the contract of the lifelong contents with dependence (or rents). Besides, there is a problem of discrepancy of right-supporting documents on real estate to the lawful mode of property of spouses. In literature there is no consensus concerning use and the order of joint real estate of spouses, in particular qualification of actions of the spouse for letting of the general real estate.

Ключевые слова: залог; форма залога; движимое и недвижимое имущество; кредитование.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы становления института ипотеки. Автором исследуются нормативно-правовые акты, закрепляющие отдельные этапы становления ипотеки в России.

До XV в. исключительной формой залога в отечественном праве являлся залог личности (закуп). О нем упоминается в «Правде детей Ярославовых», где под закупом следовало понимать «заложившегося человека, службу рассчитывающегося с верителем» [1, с. 6–7].

Первые упоминания об имущественном залоге содержатся в Псковской судной грамоте, принятой на вече в Пскове в 1467 г. В ней, наряду с давно уже существовавшим личным способом взыскания, появляется имущественное взыскание. Спор о владении какой-либо недвижимостью решался в суде на основании показаний соседей или имеющихся письменных документов на землю [2].

В Московском государстве того времени залог определялся как обязательство, в силу которого имущество, служащее обеспечением, должно переходить в руки кредитора. В законодательных актах, в частности, говорится о пользовании и предвидится окончательный пункт данного правоотношения, а именно пропуск должником предусмотренного срока для уплаты долга. С просрочкой было связано последнее укрепление участка за кредитором, в последующем должник уже не допускался к внесению занятой суммы и терял заложенный объект. Так закладная становилась купчей.

Г.Ф. Шершеневич считал, что в Московском государстве было установлено право собственности на земельные владения. Объект такого права назывался «вотчина» [3, с. 173].

Достаточно подробно имущественный залог представлен Сборным Уложением 1649 г. Залоговое право, в соответствии с Уложением, является дополнительным, обусловленным существованием основного обязательственного отношения. Залог заключался отдельно, но большей частью сливался с обеспечиваемым им договором и, несмотря на свое второстепенное, принадлежностное значение, выступал на первый план.

А.С. Звоницкий, исследуя Уложение 1649 г., выяснил, что залог возникал не только в обеспечение денежных обязательств, происходящих из займа, но и в обеспечение всяких иных обязательств [4, с. 162].

По Уложению предметом залога могло быть только то имущество, которое принадлежало должнику на праве собственности. Если имущество находилось в общей собственности, то для его залога требовалось согласие всех участников общей собственности.

Форма договора залога была представлена письмами свидетелей, а также действиями по облачению в крепостную форму. Законодательное регулирование формы залога являлось важным шагом на пути развития этого института и служило в целом в сознании людей своеобразным ориентиром в большем упорядочении залоговых отношений [5, с. 16].

В 1737 г. был издан указ, регулирующий правоотношения, связанные с залоговой сделкой. Он вытеснил оставление имущества у залогодержателя необходимостью продажи: когда происходит наступление срока уплаты, появляется необходимость явки закладной в судебные органы. Необходимость продажи заложенного объекта – не только недвижимого имущества, но и движимых вещей – устранилась только в случаях, когда на торгах не предлагались денежные средства, соответствующие долгу; кредитор в этом случае имел право оставить вещь за собой.

Залогодержатель получал в обеспечение обязательства не саму вещь, а только право на заложенную вещь, в силу которого он мог требовать удовлетворения из суммы за продажу залога. Такое залоговое право обеспечивало исполнение по обязательству перед кредитором, не стесняя залогодателя, который оставался владельцем вещи и при своевременном и полном исполнении обязательства оставался ее собственником [6, с. 25].

Данный указ не был принят в обществе. Этот факт вызвал настоятельную необходимость издать в 1744 г. новый указ, отменивший залоговую продажу как средство удовлетворения залогодержателя. По мнению А.В. Битерякова, указ от 1 августа 1737 г. был отменен ввиду того, что «многие, дав деньги, после записанных в закладных сроках ни денег, ни закладного недвижимого имущества не получают» [7, с. 24].

Начало ипотечному кредитованию в Российской империи было положено в 1786 г., когда манифестом Екатерины II был образован Государственный заемный банк. Банкротским уставом утвердилась обязательная продажа недвижимости с публичных торгов. В отношении движимого имущества законодатель предусматривал, что заложенная вещь может остаться за кредитором, если только должник не потребует продажи [8, с. 32].

В середине XIX в. отличительной чертой ипотеки было то, что имущества передавались в залог вместе с крепостными душами. Это было связано с господством до 1861 г. крепостного права как сохранявшегося пережитка феодализма [9, с. 54, 133].

Актами 1862 и 1863 г. был дан повод к общему расширению прав залогодержателя. Имеющиеся рамки мало-помалу раздвигались, но государство обычно старалось защитить и интересы общества.

В дореволюционном гражданском праве допускались разновидности залога: ручная закладная, закладная и ипотека и обычный залог движимого имущества [10, с. 226, 228].

Предметом ипотеки могли быть фабрики и заводы «как имение не раздробляемое» (статья 1633) [11, с. 268].

Можно выделить две основные формы организации ипотечного дела в России: земельные банки и городские кредитные общества. Первое городское кредитное общество было создано в Петербурге; его основной целью стал выпуск ипотечных облигаций, что позволяло привлекать средства для строительства или приобретения жилья.

Российской практике кредитования, в том числе обеспеченного залогом недвижимости (ипотекой), было свойственно широчайшее распространение махинаций и злоупотреблений. Представители многих знатных фамилий нередко использовали свое положение в обществе для получения огромных кредитов, не имевших под собой достаточного обеспечения, а также получения отсрочек и беспрецедентных условий реструктуризации долгов. С другой стороны, небогатые представители дворянства предпринимали попытки залога «мертвых душ» [7, с. 24].

В конце XIX – начале XX столетия окончательно сформировалось понятие имущества. По замечаниям Г.Ф. Шершеневича, содержание имущества с правовой точки зрения состояло в совокупности имущества, принадлежащего лицу на праве собственности, и в совокупности имущества, принадлежащего иным лицам, но

временно состоящего в его обладании, а также в совокупности обязательств, находящихся на нем [3, с. 175].

Смысл деления вещей на движимые и недвижимые состоит в логическом подходе [12, с. 43]. Недвижимость недвижимого имущества противопоставляет мобильность движимого, и такое разграничение, несомненно, имеет правовые последствия.

Г.Ф. Шершеневич полагал, что разграничение вещей на движимые и недвижимые появилось исторически, в итоге основного значения земли, в связи с чем сделки в сфере недвижимого имущества отличались от сделок в сфере движимого имущества [3, с. 175]. Изучая существующие нормы гражданского права, он писал, что хотя закон и показывает различие движимых и недвижимых вещей, но отличительных признаков не указывает. С точки зрения теории, движимые и недвижимые вещи могут различаться на основании того, могут ли они или нет перемещаться без повреждения сущности и без уменьшения стоимости.

Все национальные системы предусматривают деление вещей на движимые и недвижимые, которое проводится в зависимости от естественных свойств вещей [13, с. 57]. Недвижимое имущество находится в одном и том же месте, обладает индивидуальными признаками и является незаменимым, в то время как движимые вещи могут перемещаться и в большинстве случаев могут заменяться однородными вещами. Во всех правовых системах к недвижимым вещам относится земля и неотделимые от нее вещи, здания, растения на корню. Также в национальных системах права существуют различия в квалификации. Как правило, это относится к признанию недвижимостью некоторых вещей, которые являются по своим естественным характеристикам движимыми.

То обстоятельство, что ипотека может применяться только к недвижимым вещам, связано, по мнению Л.В. Гантовера, со свойствами движимых вещей, а именно с тем, что «они могут быть легко уничтожены или испорчены должником, скрыты или отданы им третьему лицу, в связи с чем без изъятия их из владения должника кредитор мог быть подвергнут опасности лишиться своего обеспечения» [14, с. 21].

В начале 1900 г. в городских кредитных обществах было заложено 32 тыс. объектов на сумму 1,3 млрд руб., а в начале 1914 г. – 49,6 тыс. объектов на сумму 2,2 млрд руб. [15, с. 6].

К 1913 г. Россия имела ипотечный рынок с крупными финансовыми учреждениями, выдавшими за 50 лет своей деятельности кредиты почти на 1 млрд руб. золотом. Отношения ипотечного кредитования были настолько развиты, что страна по праву была лидером этой в области [16, с. 4].

Развитие системы ипотечного кредитования продолжалось вплоть до октября 1917 г. Отмена частной собственности на землю подорвала основу ипотечных банков. Революция 1917 г. изменила государственный строй России. Первыми шагами советской власти в жилищной сфере после революции 1917 г. были отмена частной собственности на землю и отмена крупного частного домовладения в городах, что сделало практически невозможной ипотеку в качестве обеспечения кредитных операций банков. Поэтому советские банки были вынуждены искать новые формы работы, при этом они, как правило, заимствовали опыт дореволюционных банков. Определенные элементы кредитования, обеспеченного ипотекой, продолжали существовать и при советской власти.

В ГК РСФСР 1922 г. в ст. 21 было указано, что с отменой частной собственности на землю деление имущества на движимое и недвижимое упразднено [17, с. 47]. Залог определялся как право требования, позволяющее кредитору, в случае невыполнения должником обеспеченного залогом обязательства, получить преимущественно перед другими кредиторами удовлетворение из ценности заложеного имущества. Залогодателем

мог быть лишь собственник заложеного имущества. В качестве предмета залога могло выступать всякое имущество, не изъятое из оборота, в том числе долговые требования и право застройки. Ипотеку сначала изъяли из финансово-экономической системы страны, а затем постепенно ушло из обихода и само понятие [18, с. 4].

В 1930 г. был отменен коммерческий кредит, тем самым закрылась основная сфера применения залога. В условиях преимущественного положения государственной собственности и запрета обращения взыскания на основные фонды предприятий залог терял всякий смысл. Единственная сфера, где залог мог сыграть роль реального способа обеспечения обязательств, – кредитование населения. Однако поскольку административно-командная экономика СССР и РСФСР не особенно нуждалась в частноправовых механизмах, да и оборот недвижимости между гражданами особо не поощрялся, то как залог вообще (исключая ломбардные операции), так и залог недвижимости в частности не имели широкого применения и поэтому не были предметом детального законодательного регулирования.

Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. уделял залогом гораздо меньше внимания по сравнению с ГК РСФСР 1922 г. С.П. Гришаев объясняет такое существенное сокращение правового регулирования залога тем, что к моменту введения в действие ГК РСФСР 1964 г. значительно расширился перечень предметов, изъятых из оборота и, следовательно, не подлежащих залогом. Другим важным фактором стало фактически тотальное распространение государственной собственности, которая, как известно, почти полностью ликвидирует сферу залога имущества.

Возрождение института залога и ипотеки как способа обеспечения исполнения обязательств началось только после принятия в 1992 г. Закона «О залоге». В указанный период в законодательстве появляется понятие «ипотека».

С позиций современной юридической науки ипотека – это одна из разновидностей залога имущества, но не любого, а только недвижимого. Таким образом, ипотека – это залог недвижимого имущества. Поскольку недвижимость всегда является материальным объектом (вещью), то ипотекой не может быть признан, например, залог права аренды недвижимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мейер Д.И. Древнее русское право залога. Казань: Издательство книгопродавца И. Дубровина, 1855. 62 с.
2. Лепехин И.А. История становления института залога недвижимости (ипотеки) в отечественном праве // История государства и права. 2012. № 23. С. 27–30.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.
4. Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. СПб.: Н.Я. Оглоблин, 1912. 401 с.
5. Климов Я.Ю. Ипотека земли в законодательстве России и Германии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 175 с.
6. Шелков О.В. Ипотечное кредитование: история, теория, перспективы, практические рекомендации для заемщиков. Минск: Дикта, 2007. 252 с.
7. Битеряков А.В. Ипотека в России до 1861 года // Жилищное строительство. 2000. № 11. С. 25.
8. Никульшина О.Г. Залог (некоторые гражданско-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) // Нотариус. 2005. № 4. С. 31–34.
9. Рогачев В.В. Развитие ипотечного законодательства в Российской империи второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 148 с.
10. Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 636 с.
11. Свод законов Российской Империи. Т. 10. Кн. 3. СПб., 1913. 384 с.
12. Саватье Р. Обязательственное право. М.:

THE DEVELOPMENT OF MORTGAGE INSTITUTION IN RUSSIA

© 2015

N.I. Kirdyapkina, graduate student of Chair "Civil Law and Procedure"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: mortgage; pledge form; immovable and movable property; loans.

Abstract: The article deals with the formation of the institute of mortgage. The author examines regulations fixing certain stages of development of the mortgage in Russia.

УДК 349.22

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2015

М.К. Кот, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское и предпринимательское право»
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: принцип; материальная ответственность; возмещение вреда; институт трудового права.

Аннотация: Нормы, регулирующие отношения материальной ответственности, составляют одну из наиболее востребованных на практике сфер трудового права РФ. Показано, что разработка общей части института материальной ответственности, и прежде всего ее принципов, имеет значение не только для дальнейшего совершенствования юридическо-технических характеристик отрасли, но и для усиления защитных функций трудового законодательства РФ.

Отношения материальной ответственности, согласно ст. 1 Трудового кодекса РФ [1] (далее – ТК РФ), относятся к предмету отечественного трудового права. Институт материальной ответственности, несмотря на генетическую связь с гражданско-правовой ответственностью, уже на первых этапах формирования российского трудового законодательства приобрел самостоятельное значение и в настоящее время как в науке, так и на практике понимается в качестве отдельного правового явления. Самостоятельность института подтверждает и неприменение к отношениям материальной ответственности норм гражданского права (исключение составляет прямое указание ст. 277 ТК РФ в отношении руководителя организации) и выделение норм материальной ответственности в отдельный раздел ТК РФ – раздел XI «Материальная ответственность сторон трудового договора». Однако институциональная самостоятельность материальной ответственности, на наш взгляд, в ТК РФ недостаточно выражена. Это связано, прежде всего, с отсутствием системообразующих норм института – его принципов. Точнее, некоторые принципы материальной ответственности в ТК РФ закреплены. При этом они либо формально не увязаны с другими нормами, либо не имеют необходимой для принципа содержательности. Действительные, настоящие принципы института, выработанные в науке и подтвержденные судебной практикой, приходится выстраивать, используя существующий правовой материал. На наш взгляд, неразвитость общей части института, применение которого напрямую затрагивает права и свободы работников, интересы работодателя, свидетельствует о необходимости продолжения кодификационной работы в направлении совершенствования трудового законодательства РФ.

Так, основной идеей института материальной ответственности, по нашему глубокому убеждению, выступает положение ст. 232 ТК РФ, согласно которому договорная ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед

работодателем – выше, чем это предусмотрено ТК РФ или иными федеральными законами. Другими словами, условия, порядок привлечения, размер материальной ответственности работника императивно урегулированы нормами ТК РФ. Диспозитивное регулирование ответственности работника допускается в качестве исключения, например, в силу ч. 2 ст. 243 ТК РФ, установившей, что материальная ответственность в полном размере причиненного работодателю ущерба может быть установлена трудовым договором, заключаемым с заместителями руководителя организации, главным бухгалтером. Заметим, что наличие исключения только подчеркивает значимость правила и ограничивает возможности расширительного толкования нормы-исключения, что способствует эффективной защите прав работников в области незаконного возложения на них материальной ответственности.

Материальная ответственность работодателя, напротив, может быть конкретизирована только в сторону увеличения в договорном порядке. Таким образом, положения ТК РФ в сфере правового регулирования отношений материальной ответственности призваны гарантировать работникам как слабой стороне договора ограничение власти работодателя в процессе защиты своих имущественных интересов, что согласуется с общими целями и задачами трудового права России.

Несмотря на значимость рассматриваемого правила, ст. 232 ТК РФ закрепляет его в качестве нормы-сателлита, раскрывающего смысл другой нормы, не имеющей, по нашему мнению, основополагающего значения. А именно, согласно ч. 2 ст. 232 ТК РФ, трудовым договором или заключаемыми в письменной форме соглашениями, прилагаемыми к нему, может конкретизироваться материальная ответственность сторон этого договора. При этом договорная ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед работодателем – выше, чем это предусмотрено ТК РФ или иными федеральными законами.

Приведенная часть ст. 232 ТК РФ по смыслу относится к идее государственного регулирования

отношений материальной ответственности. Прямо это правило закреплено в ст. 6 ТК РФ, в соответствии с которой к ведению федеральных органов государственной власти в сфере трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений относится принятие обязательных для применения на всей территории РФ федеральных законов и иных нормативных правовых актов, устанавливающих в том числе порядок и условия материальной ответственности сторон трудового договора, порядок возмещения вреда жизни и здоровью работника, причиненного ему в связи с исполнением им трудовых обязанностей. Таким образом, норма ч. 1 ст. 232 ТК РФ, согласно которой сторона трудового договора (работодатель или работник), причинившая ущерб другой стороне, возмещает этот ущерб в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами, лишь дублирует положения ст. 6 ТК РФ. Можно ли считать это положение принципом? Мы думаем, что нет. Это – проявление метода трудового права, способ регулирования, позволяющий не допустить ухудшение правового положения работника в конфликтной ситуации. Принципом же института следует признать положение о пределах договорного регулирования рассматриваемых отношений.

Кроме того, технической недоработкой нормы следует признать тот факт, что в ч. 2 ст. 232 ТК РФ речь идет исключительно о трудовом договоре или приложениях к нему, составляющих часть трудового договора, хотя материальная ответственность сторон согласно иным положениям раздела XI ТК РФ может конкретизироваться соглашениями, по своей правовой природе не являющимися трудовым договором.

Так, согласно ст. 244 ТК РФ в определенных случаях допускается заключение договоров о полной материальной ответственности работника. А в соответствии с ч. 4 ст. 248 ТК РФ по соглашению сторон трудового договора возможно возмещение работником ущерба с рассрочкой платежа. В этом случае работник представляет работодателю письменное обязательство о возмещении ущерба с указанием конкретных сроков платежей. По нашему мнению, легализация договорных форм, фактически позволяющих обходить императивные требования ТК РФ относительно порядка возмещения ущерба, причиненного работником работодателю, с учетом нестабильного положения на рынке труда нивелирует законодательное ограничение применения договорных конструкций в сфере материальной ответственности сторон трудовых правоотношений. Подобное положение, а также ряд других норм рассматриваемого правового института демонстрирует, что в отношениях материальной ответственности, как правило, не происходит достижение задач правового регулирования, установленных в ст. 1 ТК РФ, а именно оптимальное согласование интересов сторон трудового отношения, интересов государства.

Указанный дисбаланс, но уже в сторону интересов работников, проявляется и при формулировании отраслевых принципов трудового права РФ. В соответствии со ст. 2 ТК РФ в числе основных принципов правового регулирования трудовых и тесно связанных с трудовыми отношениями выступает принцип обязательности возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей. В качестве основной идеи отрасли указанный принцип может выступать как минимум в том случае, если он отражает смысл значительной части норм отрасли или хотя бы ее института. В действительности возмещение вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им своих трудовых обязанностей, осуществляется нормами нескольких отраслей права, прежде всего права социального обеспечения (институт обязательного социального страхования в связи с несчастным случаем на производстве и профессио-

нальным заболеванием). Кроме того, закрепленный в качестве отраслевого принцип не получил развития в нормах гл. 38 «Материальная ответственность работодателя перед работником». Да и сама формулировка принципа, включающая оценочное понятие «вред, причиненный в связи с исполнением трудовых обязанностей», не позволяет говорить о его определенности. В целом смысл принципа заключается в неотвратимости юридической ответственности, к которой относится и материальная ответственность работодателя.

Обязанность работника возместить вред, причиненный работодателю, как принцип правового регулирования в трудовом законодательстве РФ отсутствует. В ст. 2 ТК РФ установлена в качестве отраслевого принципа обязанность сторон трудового договора соблюдать условия заключенного договора, включая право работодателя требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей и бережного отношения к имуществу работодателя и право работников требовать от работодателя соблюдения его обязанностей по отношению к работникам, трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. Данное положение, на наш взгляд, свидетельствует о наличии еще одной существенной проблемы института материальной ответственности, на практике приводящей к игнорированию работодателями требований трудового законодательства, – закреплению нормы об ограниченной материальной ответственности работника как общего правила. Указанная норма, которую можно считать нормой-принципом, в условиях рынка демонстрирует негибкость трудового права, сохраняющего конструкции, свойственные плановой модели экономики.

Принципы любого института права должны быть связаны с его функциями. Материальная ответственность как вид имущественной ответственности призвана компенсировать вред, причиненный нарушителем, восстановить имущественное положение потерпевшего. Однако в силу положений гл. 39 ТК РФ работодатель фактически лишен возможности восстановить в полном объеме свое материальное положение. Согласно ст. 238, 241 ТК РФ работник возмещает работодателю прямой действительный ущерб (упущенная выгода возмещению не подлежит) в размере, не превышающем среднего заработка причинителя вреда. Полная материальная ответственность, т. е. ответственность в размере причиненного ущерба, является исключением и наступает в случаях, прямо предусмотренных ТК РФ или другими федеральными законами. Альтернативное регулирование предусмотрено в отношении руководителя организации, который согласно ст. 277 ТК РФ в случаях, установленных федеральными законами, возмещает организации убытки, причиненные его виновными действиями, в соответствии с нормами, предусмотренными гражданским законодательством РФ. Последние в качестве общего правила устанавливают обязанность сторон правоотношения возместить вред в полном объеме, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

В качестве общего вывода следует отметить, что разработка общей части института материальной ответственности в трудовом праве РФ и, прежде всего, его принципов позволит совершенствовать эффективность защиты имущественных интересов сторон трудовых отношений, а также развить системные связи отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трудовой кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2001. № 256. 31 дек.

© 2015

М.К. Kot, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair "Civil remedial and enterprise law"
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: principle; liability; redress; institute of labor law.

Abstract: The rules governing the relations of liability, constitute one of the most popular areas to practice labor law of the Russian Federation. In this regard, the development of the institute of general liability, especially its principles, is important not only for the further improvement of the legal-technical characteristics of the industry, but also to enhance the protective function of labor laws of the Russian Federation.

УДК 343

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

© 2015

А.И. Моторин, магистрант Института права
Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс; следователь; оперативно-розыскные органы; организация; тактика; взаимодействие.

Аннотация: В статье исследовано понятие взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов при производстве предварительного расследования. Определены основания разграничения деятельности оперативно-розыскных и следственных органов, а также названы условия для осуществления совместной деятельности в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Выделены основные группы проблем взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов, обусловленные различиями в целях их деятельности, а также используемых ими методах. Рассмотрены проблемы организации совместного планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, основной акцент сделан на планирование действий следственно-оперативной группы. Выявлены проблемы тактики совместной деятельности следственных и оперативно-розыскных органов, проблемы преодоления различных форм противодействия расследованию преступления. Выделена проблема психологической совместимости сотрудников оперативно-розыскных и следственных органов. По результатам исследования сделаны краткие выводы и предложения по совершенствованию совместной деятельности оперативно-розыскных и следственных органов.

Предупреждая, пресекая, выявляя или раскрывая преступления, оперативно-розыскные органы вступают со следственными органами в различные отношения, называемые взаимодействием.

Термин «взаимодействие» отсутствует в уголовно-процессуальном праве.

М.Х. Гельдибаев и В.В. Вандышев считают, что взаимодействие оперативно-розыскных и следственных органов обусловлено предпосылками, которые основаны на единстве целей и задач по борьбе с преступностью и различны по своим средствам и методам [1, с. 387].

Н.П. Яблоков высказывает мнение, что взаимодействие следователей с оперативно-розыскными органами необходимо понимать как «основанную на законе и согласованную по всем необходимым условиям деятельность указанных лиц и органов, направленную на раскрытие преступлений и решение всех остальных задач их расследования и предупреждения» [2, с. 184].

Взаимодействие – это согласованная деятельность органов предварительного следствия и дознания, основанная на законе, ведомственных актах и общности назначения и задач в уголовном судопроизводстве, наиболее разумное сочетание и эффективное использование полномочий и методов работы, присущих каждому из указанных органов, обусловленное различием в их компетенции и формах деятельности, направленное на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [3, с. 397].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова взаимодействие рассматривается как взаимная поддержка в виде согласованных действий при выполнении общей задачи [4, с. 75].

Как гласит ч. 1 ст. 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), следователь является должностным лицом, уполномоченным производить предварительное расследование в форме предварительного следствия.

Оперативно-розыскные службы – это службы,

уполномоченные Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ-144) и, в соответствии с этим, осуществляющие открыто или скрытно, в пределах своих полномочий оперативно-розыскную деятельность, в качестве средств которой выступают мероприятия, направленные на защиту конституционных прав граждан.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, о том, что рассматриваемое нами взаимодействие – это осуществляемая с целью расследования, раскрытия и предупреждения преступлений деятельность оперативно-розыскных служб по обеспечению следственных органов результатами оперативно-розыскной деятельности.

Согласно УПК РФ, взаимодействие оперативно-розыскных и следственных органов возможно лишь в досудебном производстве при следующих условиях:

проверка сообщений о преступлении;

производство неотложных следственных действий;

осуществление предварительного расследования по уголовным делам в форме предварительного следствия.

Ст. 38 УПК РФ определяет руководящую роль следователя, наделяет его полномочиями по направлению хода расследования и устанавливает обязательность исполнения оперативно-розыскными органами его законных поручений. При этом они остаются самостоятельными и действуют в пределах своей компетенции. Разграничение полномочий оперативно-розыскных и следственных органов является объективно необходимым. Недопустимо совмещение следственной и оперативно-розыскной работы, так как подобное положение всегда связано с опасностью нарушения законности, предвзятостью, односторонностью в ходе расследования [3, с. 398]. По нашему мнению, формальные процедуры, выполняемые следователем для закрепления доказательств в соответствии с требованиями уголовного процесса, являются определенной гарантией законности действий государственных органов по привлечению

лица к уголовной ответственности.

Оперативно-розыскные и следственные органы являются самостоятельными органами исполнительной власти, поэтому в их взаимодействии существует достаточное количество неисследованных и неразрешенных проблем. Такие проблемы можно условно разделить на две большие группы:

проблемы, связанные с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по уголовному делу;

организационно-тактические проблемы взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов.

В статье мы рассмотрели организационно-тактические проблемы взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов. Объектом данного исследования стали взаимоотношения следственных и оперативно-розыскных органов. Предметом исследования статьи явились тактика, методика и психология взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов.

Основными организационно-тактическими проблемами взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами являются:

отсутствие планирования или некачественное планирование расследования преступления;

тактически неверное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

противодействие расследованию преступления;

психологическая несовместимость субъектов взаимодействия.

Р.С. Белкин, рассматривая планирование как один из методов организации расследования преступления, говорит о том, что оно «является предпосылкой, важным условием, организационной основой расследования преступлений, средством, обеспечивающим упорядоченность расследования, действие, направленное на обеспечение успеха расследования, и носит преимущественно организационный характер» [5, с. 129].

При отсутствии четкого согласованного планирования следственных действий невозможно добиться четкого взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами с максимальным привлечением сил и средств, комплексным их использованием для быстрого и эффективного решения задач расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Такие планы наиболее остро необходимы по делам о нераскрытых преступлениях на первоначальном этапе расследования, когда предполагается выполнение большого объема следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (например, при реализации оперативных материалов).

Если в согласованном плане не отражаются версии, выдвинутые по делу, подлежащие выяснению обстоятельств, то невозможно и наметить необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Все мероприятия должны быть скоординированы. Нет смысла детализировать каждое планируемое мероприятие, достаточно указать лишь общие направления расследования, следственные и иные действия, требующие совместных усилий. Детализации же будет отведено место в индивидуальных планах, составляемых следователями и оперативными работниками.

Согласованные планы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий подписываются следователем, оперативным работником и согласовываются с начальниками соответствующих отделений, отделов, для того чтобы исключить возможность появления разногласий между следственными органами и оперативно-розыскными службами.

УПК РФ предусматривает взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при производстве предварительного следствия следственной группой, которая является самостоятельным коллективным субъектом расследования преступления. Постановление о поручении уголов-

ного дела следственной группе, согласно ч. 1 ст. 163 УПК РФ, выносится в случае сложности или большого объема уголовного дела. Ч. 2 ст. 163 УПК РФ допускает привлечение к работе следственной группы, то есть включение в ее состав должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. По нашему мнению, ч. 2 ст. 163 УПК РФ содержит норму, регламентирующую процессуальный порядок создания следственно-оперативной группы.

В случае производства предварительного следствия следственно-оперативной группой (далее – СОГ) общий план составляет руководитель группы. В общем плане определяются главные направления работы, указываются обстоятельства, подлежащие выяснению, следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, имеющие общий характер, распределяются обязанности между участниками СОГ.

На основании общего плана каждым членом группы составляются планы индивидуальные. В них отражаются мероприятия, относящиеся к работе на порученном участке. Индивидуальные планы дополняют и конкретизируют общий план. В необходимых случаях индивидуальные планы согласовываются не только с общим, но и с другими индивидуальными планами.

В общем плане определяются и функции оперативных работников. Оперативно-розыскные мероприятия в нем отражаются без указания путей и методов их осуществления. Если объем таких мероприятий оказывается велик, составляются самостоятельные планы оперативно-розыскных мероприятий. В случае когда расследование производится СОГ, копии планов оперативно-розыскных мероприятий передаются руководителю группы, и с их содержанием могут знакомиться другие следователи – члены СОГ.

План расследования, осуществляемого СОГ, отражает итог изучения и оценки имеющихся в деле фактических данных всем составом группы. Поэтому каждый из участников расследования должен быть подробно ознакомлен с содержанием всех материалов дела. С этой целью проводятся совещания СОГ, на которых обсуждаются материалы дела, выдвигаются версии, определяются задачи расследования, намечаются необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

При планировании расследования преступления необходим тактически разумный подход. В случае если при планировании расследования преступления была выбрана неверная тактика, то произойдет выстраивание неправильной последовательности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Типичными проблемами при планировании расследования преступления в условиях взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами могут быть следующие:

- неправильный выбор первоочередного следственного действия и невозможность из-за этого получить информацию для производства остальных следственных действий;

- упущение необходимости проведения неотложных следственных действий, из-за чего по прошествии некоторого времени их проведение окажется невозможным;

- упущение возможности воздействия на обвиняемого для получения правдивых показаний либо раскрытие тайн следствия из-за неправильного порядка осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Совершенно очевидны негативные последствия проблем тактики взаимодействия следователя с оперативно-розыскными службами: утрата важной ориентирующей и доказательственной информации, возможности выдвижения перспективных версий, снижение поискового потенциала следствия, определенная его дезориентация на первоначальном этапе расследования.

На практике достаточно эффективным тактическим

приемом расследования преступления является оперативно-тактическая комбинация.

В 1972 г. А.В. Дулов сформулировал концепцию тактических операций, которая нашла отражение в его монографии «Тактические операции при расследовании преступлений» в 1979 г. Сторонниками концепции тактической операции стали Л.Я. Драпкин и В.И. Шиканов. Дальнейшая разработка системы знаний о тактической операции привела к расширению сферы этой концепции со следственных и иных действий на оперативно-розыскные мероприятия и к выводу, что наиболее адекватно ее содержание отражает термин «тактическая комбинация» [6, с. 531].

Оперативно-розыскные мероприятия как элемент комбинации служат целям создания условий, обеспечивающих результативность, целеустремленность и безопасность входящих в структуру комбинации следственных действий. В свою очередь, следственные действия могут быть проведены для обеспечения эффективности последующих оперативно-розыскных мер, выступающих как промежуточное звено между следственными действиями в структуре одной оперативно-тактической комбинации.

Целью тактической комбинации всегда является решение конкретной задачи следствия, например установление истины по делу, то есть процесс доказывания. Но это общая цель, а непосредственными целями тактической комбинации могут быть:

а) разрешение конфликтной ситуации с помощью рефлексии, дающей следователю определенный выигрыш;

б) создание условий, необходимых для проведения следственного или иного процессуального действия следователя;

в) создание условий, гарантирующих результативность следственного действия;

г) обеспечение следственной тайны, в том числе сохранение в тайне источников доказательственной и ориентирующей информации;

д) обеспечение сохранности до необходимого момента еще не использованных источников доказательственной или ориентирующей информации;

е) иные тактические воздействия на следственную ситуацию с целью ее изменения или использования.

Актуальной проблемой взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов является противодействие расследованию преступления. В.Н. Карагодин определяет противодействие расследованию преступления следующим образом: «умышленные действия (система действий и бездействия), направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу и достижению других задач предварительного расследования» [7, с. 16]. Принято различать внутреннее и внешнее противодействие расследованию. Внутреннее противодействие могут оказывать лица, непосредственно связанные с расследованием преступления. Сотрудники оперативно-розыскной службы либо сам следователь, при наличии злого умысла или без такового, своими действиями могут помешать расследованию преступления. Злой умысел может возникнуть с целью получения выгоды от лиц, инициировавших такие действия субъектов взаимодействия. Неумышленное противодействие расследованию может произойти по причине недостаточного опыта его участников, например в виде отступления от процессуальных норм из-за недостаточной компетенции.

Внешнее противодействие оказывают лица, которые не связаны непосредственно с расследованием преступления, но могут быть связаны с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым (например, родственники обвиняемого, коррумпированные чиновники).

Э.У. Бабаева выделяет меры, наиболее часто предпринимаемые оперативно-розыскными службами для предупреждения противодействия расследованию:

получение и использование оперативно-розыскной информации о намерениях преступников оказать противодействие предварительному расследованию;

выявление и нейтрализация (путем проведения оперативно-розыскных мероприятий) действий лиц, способствующих утечке информации, и лиц, пытающихся оказать давление на прокурора, следователя, дознавателя;

дезорентация (путем проведения оперативно-розыскных мероприятий) участников процесса и близких им лиц о намерениях следствия;

выявление (путем проведения оперативно-розыскных мероприятий) следователей и оперативных работников, уличенных в связях с преступниками. Информация о готовящемся или уже оказываемом сопротивлении следствию может быть получена при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос (соседей, бывающих в доме, лиц, обслуживающих семью подозреваемого, обвиняемого); наблюдение за объектом (в этом случае важно установить и зафиксировать, с кем встречаются подозреваемый, обвиняемый, их близкие); контроль почтовых отправлений, телеграфных сообщений, сообщений из СИЗО; прослушивание телефонных переговоров, оперативное внедрение [8, с. 174–176].

Тактически правильным, в том числе в целях предупреждения противодействия расследованию, при использовании следователем оперативно-розыскной информации является соблюдение принципа конспирации оперативно-розыскной деятельности, так как ее осуществление основано на сочетании гласных и негласных методов и средств (ст. 3 ФЗ-144).

По мнению А.И. Кривенко, соблюдение следователем принципа конспирации оперативной информации необходимо для того, «чтобы своими неосторожными или неумелыми действиями не допустить расшифровку негласных сил и средств и не нанести тем самым ущерб работающему с ним оперативному подразделению, его негласному аппарату» [9, с. 164].

По нашему мнению, в предупреждении и пресечении внутреннего противодействия расследованию большое значение имеет контроль деятельности следователей, осуществляемый руководителем следственного органа. Руководителем следственного органа должна проводиться регулярная проверка находящихся в производстве его подчиненных дел, осуществление контроля за сбором доказательственной информации о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, и формулирование на основании этого указаний следователю о производстве предварительного следствия [10, с. 127]. Согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ, указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде.

По психологическому содержанию взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов имеет определенные противоречия. Решение профессиональных заданий зависит от умения сотрудника понять психологию человека, который при определенных обстоятельствах вступает с ним в совместную процессуальную деятельность.

Основным фактором возникновения конфликтных ситуаций является несовпадение интересов следователя и сотрудников оперативно-розыскных органов. Так, для следователя целью взаимодействия является всестороннее и качественное расследование преступления и своевременное направление уголовного дела в суд. По мнению Ю.В. Чуфаровского, деятельность следователя характеризуется формализованностью социально-ролевой функции, наличием властных полномочий, широкой социальной коммуникативностью, повышенной единоличной ответственностью за принимаемые решения [11, с. 143]. Целью оперативного работника является установление личности и задержание преступника, в том числе с использованием негласных средств и методов.

Таким образом, в процессе совместной работы по

раскрытию и расследованию преступлений неизбежно встает вопрос о социально-психологической совместимости субъектов взаимодействия.

Подводя итог проведенного исследования, можем сделать вывод о том, что устранение проблем взаимодействия оперативно-розыскных и следственных органов, направленное на успешное расследование, раскрытие и предупреждение преступлений, должно осуществляться через проведение межведомственной подготовки сотрудников следственных и оперативно-розыскных органов, предполагаемых участников совместной деятельности. Занятия межведомственной подготовки необходимо проводить по вопросам планирования и тактики расследования, преодоления психологических барьеров взаимодействия. На них будет полезным рассмотрение опыта успешного взаимодействия и случаев ошибочно выбранной тактики и методики взаимодействия.

Предупреждение внешнего противодействия расследованию должно идти по пути верной реализации оперативной информации. Контроль, осуществляемый руководителем следственно-оперативной группы, руководителем следственного органа или оперативно-розыскного подразделения, надзирающим прокурором по всем сторонам взаимодействия, способствует своевременному выявлению внутреннего противодействия расследованию преступления.

Для успешного сотрудничества следователю и оперативно-розыскному работнику необходимы соответствующие знания психологии личности, позволяющие разобраться в психологических особенностях партнера, выделить, какие из них наиболее способствуют взаимодействию, а какие, наоборот, препятствуют, как поощрять первые и устранять вторые.

Результативность использования материалов оперативно-розыскной деятельности возможно повысить путем проведения специальной подготовки работников оперативно-розыскных служб, повышения уровня их

знаний о доказывании в рамках уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 719 с.
2. Яблоков Н.П. Криминалистика. 2-е изд. перераб и доп. М.: Юрайт, 2014. 303 с.
3. Уголовный процесс. М.: Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗБ, 1995. 928 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юридическая литература, 1987. 272 с.
6. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 2000. 990 с.
7. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 47 с.
8. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию. М.: Юрлитинформ, 2006. 280 с.
9. Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М.: Юрлитинформ, 2008. 240 с.
10. Данилова С.И. Выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2010. 160 с.
11. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности. М.: Проспект, 2006. 208 с.

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL PROBLEMS OF INTERACTION OF OPERATIVELY-SEARCH AND INVESTIGATIVE AUTHORITIES

© 2015

A.I. Motorin, graduate student of Law Institute
Samara State University of Economics, Samara (Russia)

Keywords: Code of Criminal Procedure; investigator; operatively-search authorities; organization; tactic; interaction.

Abstract: The article deals with notion interaction operatively-search and investigative authorities on the stage of making of the preliminary investigation. Defined the foundation of the demarcation activity operatively-search and investigative authorities, and called conditions for the implementation of joint activities, in accordance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Defined main groups of problems of interaction of operatively-search and investigative authorities, due to differences in the targets of their activities and their methods. Considered the problems of the organization of joint planning of investigative actions and operatively-search activities, focuses on planning actions of investigative-operative group. Considered the problems of the tactics of the joint activity of investigative and operatively-search authorities, the problem of overcoming the various forms of counteraction to investigation of crimes. Highlighted the problem of psychological compatibility of officers of operatively-search and investigative authorities. According to a study made brief conclusions and proposals to improve the joint activities of operatively-search and investigative authorities.

О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

© 2015

Т.В. Мычак, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное правонарушение; проступок; уголовно-процессуальная ответственность; неисполнение процессуальных обязанностей; денежное взыскание.

Аннотация: Уголовно-процессуальная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности признается большинством ученых, занимающихся указанной проблематикой. В УПК РФ она представлена такой мерой наказания, как денежное взыскание. Вместе с тем, согласно общей теории права, юридическая ответственность наступает лишь за совершенные правонарушения. Следовательно, в сфере уголовного судопроизводства основанием уголовно-процессуальной ответственности также является совершение участником уголовно-процессуального правонарушения. Однако в российском уголовно-процессуальном законодательстве термин «правонарушение» не используется, точно так же как и не используется термин «процессуальная ответственность». Вследствие этого у правоприменителей возникают сложности в идентификации процессуальных правонарушений и применении мер ответственности. В статье мы исследуем понятие уголовно-процессуального правонарушения с точки зрения теории уголовного процесса и действующего правового регулирования, а также рассматриваем проблемы в правовом оформлении процессуальных правонарушений (проступков).

Согласно общей теории права, юридическая ответственность наступает лишь за совершенное правонарушение. В уголовно-процессуальной науке большинство ученых признают процессуальную ответственность отдельным видом юридической ответственности, соответственно, ее основанием должно выступать уголовно-процессуальное правонарушение.

Раскрывая понятие правонарушения, обратимся к ст. 54 Конституции РФ, предусматривающей обязательность признания деяния в качестве правонарушения. Это требование означает, что деяние только тогда будет считаться правонарушением, когда оно официально признано таковым в правовой норме. Следовательно, утверждать о существовании уголовно-процессуальных правонарушений можно лишь при наличии соответствующих уголовно-процессуальных норм, устанавливающих данный вид противоправного поведения в уголовно-процессуальной сфере. Как нам представляется, данное требование предполагает обязательное использование термина «правонарушение» в характеристике деяний, вызывающих уголовно-процессуальную ответственность. Вместе с тем в российском уголовно-процессуальном законодательстве указанный термин не используется, как и термин «процессуальная ответственность».

В теории уголовного процесса тема процессуальных правонарушений стала активно развиваться с начала 80-х годов прошлого столетия с выходом в свет нескольких научных работ по уголовно-процессуальной ответственности [1–4]. Однако до настоящего времени ученые не смогли выработать единую концепцию. К примеру, А.И. Столмаков под правонарушением в уголовном процессе понимает «виновное противоправное деяние субъекта уголовного судопроизводства, заключающееся в нарушении процессуальных обязанностей и причиняющее вред правоприменительному процессу, запрещенное уголовно-процессуальными санкциями» [5, с. 76]. Несколько уже рассматривала процессуальные правонарушения Г.Н. Ветрова, определяя их как «виновное нарушение требований уголовно-процессуального закона субъектами уголовно-процессуальных правоотношений» [6, с. 65]. В работе В.С. Вепрева правонарушение в уголовно-процессуальном праве представляет собой «одну из форм противоправного поведения в сфере уголовного судопроизводства, выраженную в действии (или) бездействии, а также системе действий участника уголовного судопроизводства, запрещенных нормами уголовно-процессуального законодательства, и нарушении требований и принципов уголовно-процессуального закона, конституционных принципов, совершаемые посредством неисполнения обязанностей или ненадлежащего их исполнения» [7, с. 125]. Схожа с

этим позиция С.Н. Бурцева, который, однако, несколько уже обозначает сферу применения мер процессуальной ответственности, ограничиваясь нормами, регламентирующими порядок производства по уголовному делу [8, с. 8]. А.А. Канифатов понимает процессуальное правонарушение как «общественно вредное и противоправное умышленное действие (бездействие) деликтоспособного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, посягающее на установленный уголовно-процессуальным законом порядок возбуждения, предварительного расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел, а также, частично, исполнение приговора» [9, с. 5].

Исходя из представленных авторских позиций, в качестве правонарушителей могут быть не только вовлеченные участники уголовного судопроизводства, но и органы государственной власти и их должностные лица. Из этого следует, что должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, способно совершить уголовно-процессуальное правонарушение и, как следствие, должно нести уголовно-процессуальную ответственность. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения и считаем, что меры ответственности должны использоваться правоприменителями только в отношении вовлеченных участников, не являющихся частью государственного аппарата.

Итак, несмотря на имеющиеся семантические различия представленных определений, практически все авторы в качестве основных признаков процессуального правонарушения выделяют противоправность, виновность, общественную вредность (или общественную опасность), запрещенность деяния, а также вменяемость (дееспособность или деликтоспособность) нарушителя. Выделенные здесь признаки правонарушения можно разделить на две группы, первая из которых характеризует объективную сторону правонарушения как запрещенного и наказуемого деяния, а вторая группа признаков раскрывает правонарушение с субъективной стороны, как виновное деяние дееспособного лица.

В результате можно сформулировать научное понятие уголовно-процессуального правонарушения, объединяющее все представленные позиции. Процессуальное правонарушение – это *противоправное (нарушающее нормы УПК РФ), запрещенное и наказуемое деяние вовлеченного в уголовный процесс участника судопроизводства, выраженное в неисполнении возложенных на него обязанностей, вызывающее применение к нарушителю мер процессуальной ответственности.*

Взяв за основу это определение при исследовании процессуального правонарушения, остановимся на основных, с нашей точки зрения, признаках, находящихся

между собой в определенных связях и в своей совокупности формирующих понятие правонарушения. Это такие признаки, как:

- 1) запрещенность деяния в праве;
- 2) причинно-следственная связь деяния с мерой наказания;
- 3) специальный порядок установления правонарушения.

На первый взгляд, в нормативном понятии уголовно-процессуального принуждения можно выделить все обозначенные элементы: запрещенное деяние представлено неисполнением процессуальной обязанности и/или нарушением порядка в судебном заседании, наказание – денежным взысканием до 2500 рублей, а условия применения ответственности – определенным ст. 118 УПК РФ порядком наложения денежного взыскания.

Выделение в характеристике правонарушения признака запрещенности только тогда имеет существенное значение, когда запрет на совершение деяния обесценивается связью с конкретными мерами наказания, т. е. деяние запрещается под угрозой наказания. Следовательно, правонарушение – это противоправное деяние, запрещенное под угрозой наказания. Указанный признак обязывает законодателя придать запрещенному деянию формальную определенность, закрепить непосредственную связь между деянием и наказанием и признать всю правовую конструкцию в качестве самостоятельной правовой категории – правонарушения.

В уголовно-процессуальном законодательстве юридический состав правонарушения представлен в ст. 117 УПК РФ, согласно которой неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ, а также нарушение ими порядка в судебном заседании вызывает наложение на них денежного взыскания в размере до 2500 рублей. Таким образом, содержание уголовно-процессуального правонарушения составляет:

- неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей;
- нарушение ими порядка в судебном заседании.

Сопоставляя объективную сторону указанных деяний, мы пришли к выводу, что по своей природе нарушение порядка в зале судебного заседания есть не что иное, как неисполнение субъектом своих процессуальных обязанностей. Следовательно, редакция ст. 117 УПК РФ в части определения объективной стороны процессуального правонарушения не совсем удачна. И в том, и в другом случае под процессуальным правонарушением законодатель понимает *неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей*, предусмотренных УПК РФ. Именно эти обстоятельства образуют объективную сторону уголовно-процессуального правонарушения и присущи всем без исключения видам противоправного поведения в уголовном судопроизводстве. С другой стороны, каждая процессуальная обязанность участника имеет собственное объективное содержание и правовое значение. Поэтому неисполнение каждой обязанности специфично. Отсюда следует вывод: сколько процессуальных обязанностей предусмотрено в уголовно-процессуальном законодательстве, столько различных по содержанию, по объективным характеристикам процессуальных правонарушений можно выделить.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли неисполнение участником своей процессуальной обязанности рассматривать в качестве дефиниции уголовно-процессуального правонарушения? Исследуя этот вопрос, мы столкнулись с рядом серьезных проблем.

Первая проблема связана с объективной характеристикой фактического (запрещенного) деяния. Закрепляя в качестве основания ответственности «неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессу-

альных обязанностей», законодатель определяет бланкетный (отсылочный) характер данных положений, предусматривающий обязательное наличие других правовых норм, регулирующих процессуальные обязанности. Вместе с тем обязанности, на которые ссылается ст. 117 УПК РФ, не нашли своего надлежащего правового оформления в процессуальном статусе участников. Более того, процессуальные обязанности как мера должного поведения не свойственны участникам уголовного судопроизводства, в то время как процессуальные права присутствуют в статусе каждого из них [10]. Следовательно, определение запрещенного деяния посредством указания на обязанности участников судопроизводства требует от законодателя существенной корректировки их процессуальных статусов в части регулирования должного поведения.

Вторая проблема связана с количеством мер наказания и их выбором при реализации института уголовно-процессуальной ответственности. Из анализа ст. 117, 118 УПК РФ складывается впечатление о существовании только одной меры ответственности – денежного взыскания, применяемого за все виды уголовно-процессуальных нарушений. Вместе с тем в качестве наказания, как нам кажется, можно рассматривать и другие меры воздействия, применяемые к участникам уголовного судопроизводства в судебной его части на основании ст. 258 УПК РФ. Это такие меры, как предупреждение и удаление из зала судебного заседания. К сожалению, законодатель не установил критерии, по которым определяется связь противоправного деяния с мерой наказания.

Третья проблема состоит в отсутствии четких условий применения наказания за совершенное уголовно-процессуальное правонарушение. Прежде всего, следует отметить несоответствие института уголовно-процессуальной ответственности принципу неотвратимости наказания. Как следует из текста ст. 117 УПК РФ, применение меры наказания к нарушителю процессуального порядка осуществляется в диспозитивном порядке, по усмотрению суда: за неисполнение процессуальных обязанностей... на участников может быть наложено денежное взыскание. Как нам представляется, в регулировании причинно-следственной связи «деяние – наказание» должен использоваться жесткий императив, не допускающий свободного усмотрения в решении данного вопроса. При установлении объективной стороны совершенного правонарушения и деликтоспособности участника судопроизводства применение к нему меры уголовно-процессуальной ответственности должно быть обязательным.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве есть серьезные проблемы в регулировании процессуальных правонарушений (проступков), которые требуют своего разрешения. Как нам представляется, для обеспечения формальной определенности процессуальных правонарушений необходимо закрепить в УПК РФ процессуальные обязанности всех участников и детально регламентировать механизм их исполнения. Только при таких условиях установление состава процессуального правонарушения в практической деятельности не будет вызывать трудности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столмаков А.И. Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 71–76.
2. Капустянский В.Г. Об уголовно-процессуальной ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1982. № 6. С. 101–104.
3. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1984.

190 с.

4. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. 112 с.

5. Столмаков А.И. Понятие правонарушения по советскому уголовно-процессуальному праву // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 71–76.

6. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальное правонарушение // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М.: Институт государства и права АН СССР, 1985. С. 58–65.

7. Вепрев В.С. Основания уголовно-процессуальной ответственности. М.: Юрлитинформ, 2007. 232 с.

8. Бурцев С.Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

9. Канифатов А.А. Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 24 с.

10. Вершинина С.И. Обязательность порядка судопроизводства как основа российского уголовного процесса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 19–21.

ABOUT THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF CRIMINAL-PROCEDURAL VIOLATION

© 2015

T.V. Mychak, senior lecturer of Chair “Criminal trial and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal-procedural violation; misdemeanor; criminal-procedural responsibility; failure to procedural obligations; pecuniary punishment.

Abstract: Criminal procedure responsibility as an independent type of legal liability, is recognized by most scientists involved in the said issues. The Code of Criminal Procedure, it is represented by a penalty, as the monetary penalty. However, according to the general theory of law, legal liability arises only for the committed offense. Therefore, in criminal proceedings the commission of the offense of criminal procedure is the reason of the criminal-procedural responsibility. However, in Russian criminal procedural law, the term “offense” is not used, just as not using the term “procedural responsibility”. As a result, the law enforcement agencies have difficulty in identifying procedural violations and imposition of sanctions. In this article we will explore the concept of criminal procedural violations in terms of the theory of criminal procedure and the current legal regulation, as well as considering the problems in legalizing procedural violations (misdemeanors).

УДК 347.9

СПОСОБЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© 2015

О.В. Николайченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданский процесс»
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Ключевые слова: способы правового воздействия; метод правового регулирования; запрет; предписание; дозволение; гражданское процессуальное регулирование.

Аннотация: В статье изучены способы правового воздействия в гражданском процессуальном законодательстве на основе взглядов и научных идей, предложенных в отечественной юридической науке. Каждый способ воздействия уникален и получает специфику выражения в различных отраслях российского права. Дозволение, предписание и запрет находят место в правовом регулировании гражданских процессуальных отношений, что демонстрируется на примере норм гражданского процессуального права. В современном процессуальном законодательстве дозволения занимают приоритетное место, что обусловлено расширением диспозитивности и состязательности сторон. Автор обосновывается необходимость расширения предписаний и запретов при реформировании процессуального законодательства. Отмечается, что суд руководит процессом, следовательно, требует определенных средств правового воздействия на участников гражданских процессуальных отношений. Аргументированно доказывается необходимость различать понятия «метод правового регулирования», «способ правового воздействия», «средства правового воздействия».

Реформирование процессуального законодательства, сложность и неоднородность гражданско-процессуальных отношений, складывающихся на современном этапе, выявили различные представления ученых о способах воздействия. В каждом научном отраслевом определении способ правового воздействия отождествляется с методом правового регулирования [1, с. 76–78; 2, с. 81; 3]. Одновременно с признанием существования отраслевых методов правового воздействия в их границах выделяют способы правового воздействия, при этом называя их методами [4; 5]. Можно встретить и более радикальную позицию, заключающуюся в стирании границ между способами правового регулирования, поскольку все нормы права имеют представительство-обязывающий характер, т. е. содержат в себе одновременно и запрет, и предписание, и дозволение [6, с. 28; 7, с. 177]. Несмотря на то что определение категории «метод» через категорию «способ» соответствует этимологическому значе-

нию этих слов [8, с. 346, 746], следует учитывать, что метод правового регулирования складывается из определенных способов правового воздействия на общественные отношения, поэтому отождествлять эти понятия нельзя. Понятие «метод правового регулирования» по своему значению шире, чем понятие «способ». Последний входит составной частью в метод правового регулирования наряду с приемами и средствами.

Разграничение понятий «метод» и «способ правового регулирования» должно получить четкое закрепление в научной литературе. Данное обстоятельство представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, некорректное использование двух понятий для обозначения одного правового явления неизбежно порождает путаницу и смысловые разночтения. Во-вторых, смешение указанных понятий создает трудности при теоретическом изучении отраслевых методов правового регулирования, состоящих из сочетания способов правового

воздействия, взятых в определенной пропорции по отношению друг к другу. В-третьих, дифференциация правовых понятий, являющихся структурными элементами механизма правового регулирования, имеет особое значение ввиду значимости последнего для развития правовой системы в целом и совершенствования, в том числе процессуального, законодательства.

Следует согласиться с И.А. Рассыльниковым в том, что в зависимости от специфики регулируемых общественных отношений способы юридического регулирования комбинируются в различных сочетаниях, что позволяет говорить о методах юридического регулирования [9, с. 16]. Первичные методы правового регулирования включают стандартный набор способов правового регулирования.

Важным моментом является то, что представители различных направлений практически единодушны в вопросе об основных способах правового регулирования. Как в рамках общеправового метода, так и в границах отраслевых методов правового регулирования специалисты выделяют три основных способа правового регулирования: дозволение, предписание и запрет [10, с. 32; 11, с. 39; 12, с. 85; 13, с. 1].

В юридической науке можно встретить также иные позиции, заключающиеся как в ограничении перечня способов правового регулирования двумя элементами, так и в его расширении. Например, В.М. Горшенев считает, что наиболее общими способами воздействия, применяемыми государством для организации поведения людей, служат дозволение и запрет. «Элемент предписания присутствует и в дозволении, и в запрете. Именно с помощью права предписывается либо дозволяемый, либо запрещаемый вариант поведения. Предписание – общее свойство всех норм права независимо от того, какой способ воздействия они конкретно закрепляют» [1, с. 50; 14, с. 67–70].

Эта позиция подверглась справедливой критике со стороны В.Д. Сорокина. Он полагает, что предписание, о котором писал В.М. Горшенев, существует лишь потенциально и не лишает дозволение присущих ему свойств до тех пор, пока дозволение не реализовано. Предписание же выступает в данном случае фактором, обеспечивающим осуществление дозволения [15, с. 98–99].

В целях настоящего исследования важно выявить не только правовую сущность каждого из указанных способов, но и особенности их использования при регулировании гражданско-процессуальных отношений.

Дозволения обеспечиваются главным образом заинтересованностью субъекта в реализации нормы. Так, защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов не может быть реализована иначе, чем через волю, интерес и цель, которые преследует субъект права. Здесь интерес субъекта и его индивидуальная воля играют ведущую роль в способе правового регулирования гражданско-процессуальных отношений. В качестве примера подобных дозволений можно привести положения ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, предоставляющие заинтересованному лицу правомочия на возбуждение гражданского дела.

Содержание юридических дозволений очерчивается четкими границами, отделяющими их от произвольных действий. Оно содержит указание на такой вариант поведения субъектов, который наиболее целесообразен и отвечает интересам общества, т. е. указывает на то, как можно себя вести и как следует поступать. Иными словами, предписывает позитивный характер поведения. Этот вариант одобряется государством и поддерживается всеми способами, имеющимися в его распоряжении.

При рассмотрении управомочивающих правовых норм, используемых при регулировании гражданско-процессуальных отношений, на наш взгляд, следует разделять их на два вида. Для первого вида характерно то, что возможность их реализации (или нереализации)

зависит исключительно от воли субъектов гражданского процессуального права. Для второго вида управомочивающих гражданско-процессуальных норм характерно то, что субъект права имеет определенную свободу в выборе средств, времени и т. д. реализации этой нормы, однако эта норма в любом случае должна быть им реализована.

Первый из указанных видов управомочивающих гражданско-процессуальных норм представляет собой дозволения, содержащие конкретные правомочия субъекта на совершение или отказ от совершения каких-либо юридически значимых действий. Причем решение об использовании или отказе от использования таких правомочий субъект принимает самостоятельно, руководствуясь собственным усмотрением.

Учитывая то, что данный вид юридических дозволений, как правило, содержится в диспозитивных нормах, его можно условно назвать дозволением диспозитивного типа. В качестве примера можно привести положения ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 39, ч. 1 ст. 48, 137, 145, ч. 1 ст. 151 ГПК РФ.

Особенностью второго вида юридических дозволений, используемых при регулировании гражданско-процессуальных отношений, является то, что они предоставляют субъекту возможность исполнить возложенную на него обязанность любым доступным способом, с любыми имеющимися в его распоряжении средствами, предоставленными законом. Чаще всего подобное право наделение можно встретить при анализе полномочий суда, реализуемых в рамках предоставленной им компетенции.

Характерным признаком рассматриваемых дозволений является то, что диспозитивность в выборе варианта поведения субъекта обусловлена императивным предписанием о необходимости совершения такого выбора. Другими словами, участник гражданско-процессуальных отношений не вправе отказаться от осуществления каких-либо возложенных на него полномочий. Учитывая неразрывную связь рассматриваемых юридических дозволений с императивными ограничениями, можно предложить именовать их дозволениями императивного типа. Это, например, положения ст. 216 ГПК РФ, указывающей право суда на приостановление производства по делу.

Дозволениям в гражданско-процессуальном регулировании сейчас принадлежит ведущая роль. Эту ситуацию можно объяснить тем, что уполномочивающие гражданско-процессуальные нормы призваны развивать инициативу заинтересованных лиц в гражданско-процессуальной деятельности, тем самым повышая их самостоятельность.

Порой считается достаточным для достижения результата просто заменить в норме слова «обязан» на «имеет право». Однако предоставление новых правомочий не дает в полной мере должного эффекта. Гражданин, обращающийся в суд, обнаруживает, что ему надо «бороться» не с ответчиком, а с судьей за то, чтобы его заявление было своевременно принято, чтобы рассмотрение дела не откладывалось бесконечно долго.

В регулировании гражданско-процессуальных отношений существуют и такие нормы, которые требуют от обладателя субъективного права определенных необходимых действий, указывают единственно возможный вариант поведения при осуществлении права. Они имеют целью побудить субъекта действовать в соответствии с определенной моделью поведения. Это может быть активная деятельность или воздержание от совершения действий (бездействие). Такие нормы выступают в виде правовых предписаний, или, как их еще называют в литературе, позитивных обязываний [16, с. 5].

Данный способ означает, что на субъекта возлагается обязанность совершить какие-либо активные действия. Причем, как верно отмечает Ю.С. Решетов, обязывающие нормы предписывают положительные действия.

Их реализация на первом уровне состоит в совершении предусмотренных диспозицией нормы поступков, имеющих положительное содержание [17, с. 25]. Отклонения от нормы в таком случае рассматриваются как неправомерные действия.

В отличие от юридических дозволений, предписания предусматривают определенную модель поведения, которую должен реализовать субъект права, вступающий в те или иные правовые отношения. Поэтому формулировка предписывающей нормы права в подобных случаях является категоричной посредством таких законодательных формулировок, как «обязан» и «должен». Это означает, что «обязанному» лицу предоставляется фактическая возможность выбора между выполнением соответствующих предписаний и их несоблюдением или ненадлежащим соблюдением под угрозой наступления особого рода последствий неблагоприятного характера.

Гражданское процессуальное законодательство содержит значительное число предписаний, обозначенных термином «обязан», «должен», например: ст. 56, ч. 2 ст. 57, ст. 65, ч. 2 ст. 131, ст. 267, ст. 270, ч. 1 ст. 271, ч. 1, 2 ст. 272, ст. 277, ст. 282, ст. 291, ст. 295, ст. 308, ч. 2 ст. 314 ГПК РФ.

Учитывая публично-правовой характер гражданско-процессуальных отношений, обусловленный обязательным участием в них суда как органа государственной власти, особое внимание при их регулировании должно быть уделено способу правового предписания.

В литературе выделяют два вида юридических предписаний [18, с. 49]:

- предписание в форме общенормативной ориентации, утверждающее положение об органах, устанавливающее или меняющее его задачи, функции и т. д.;
- предписание в форме конкретного предписания, поручения совершить то или иное юридически значимое действие.

Анализ гражданского процессуального законодательства показывает, что при регулировании гражданско-процессуальных отношений присутствуют оба вида обозначенных предписаний.

Эффективная защита нарушенных прав и законных интересов граждан возможна только при условии детального регламентирования действий как суда, так и иных участников процесса, что совершенно необходимо для гражданской процессуальной формы. Возможность воздействия на участников гражданско-процессуальных отношений позволяет суду выполнить предназначенную ему руководящую роль в гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ), реализовать в полной мере свою судебную власть.

Запрет как способ правового регулирования означает, что на субъекта возлагается обязанность воздерживаться от совершения определенных действий. Как правило, круг запрещенных действий (деяний) четко очерчен и определен законом. И в ряде случаев «решение конкретного процессуального вопроса зависит от запрещающего нормативного предписания» [19, с. 496; 20, с. 160].

По поводу правовой природы юридических запретов в теории права не сформировалось единого мнения. Одна группа ученых предлагает рассматривать запреты как всеобщую обязанность воздерживаться от совершения определенных действий [21, с. 97]. Выбирая линию правомерного поведения, субъект вынужден согласовать свои действия с требованиями государства, т. е. добровольно исполнять обязанность не совершать противоправных деяний.

С точки зрения реализации свободного волеизъявления субъекта права, способ правовых запретов стоит очень близко к юридическому дозволению. По мнению Р.З. Лившица, при запрете свобода поведения начинается за пределами конкретного запрета; при дозволении свобода поведения вообще не ограничивается [21, с. 97]. Как при запрете, так и при дозволении участники обще-

ственных отношений свободны поступать по своему усмотрению.

На наш взгляд, не следует так широко трактовать свободу, предоставленную субъекту правовым дозволением, поскольку естественным ограничителем свободных действий субъекта являются нормы объективного права, предписывающие соблюдать и не нарушать законные права и интересы третьих лиц. И поэтому с регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания, т. е. в обязанностях воздерживаться от совершения определенных действий.

Вместе с тем запреты своеобразны по своему содержанию, занимают особое положение среди других способов правового регулирования. Они, в отличие от предписаний, содержащих обязанность действовать тем или иным образом, выражаются исключительно в пассивном поведении, т. е. в бездействии тех или иных лиц. Это и предопределяет особенности тех юридических средств, которые обеспечивают юридические запреты. В частности, их гарантирование обеспечивается в основном при помощи юридической ответственности и исключительно в форме соблюдения.

Присоединимся к мнению А.Г. Братко, который при разграничении запретов и ограничений отмечает, что это два различных способа правового регулирования общественных отношений. По мнению указанного автора, основное различие состоит в том, что запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения [22, с. 88].

В литературе запреты делят на общие и специальные [23], прямые и косвенные, которые, в свою очередь, подразделяются на безусловные и имеющие исключения [24, с. 10–19]. М.К. Юков подразделяет запреты в структуре гражданского процессуального права на два вида: а) конкретные (обособленные, запрещающие нормативные предписания); б) общие формы правового регулирования (растворенные в структуре комплекса норм, отрасли права или даже в других его отраслях) [25, с. 48].

Необходимо отметить, что конкретных запрещающих нормативных предписаний в гражданском процессуальном законодательстве не так уж мало. Например, это положения ст. 17, 51, ч. 1 ст. 134, 220, 369 ГПК РФ. Достаточно просто их обнаружить. Это государственное веление, заключающееся в обязанности воздерживаться от определенного рода действий.

Регулирующее воздействие общего запрета распространяется на весь гражданский процесс. Однако они не всегда прямо формулируются в гражданско-процессуальном законе. Иногда для их выявления необходимо толкование уполномочивающих и охранительных предписаний. Они находятся в различных отраслях права. Их закрепление может быть самым разнообразным (Конституция РФ, материальные отрасли права). Общие запреты характеризуются тем, что непосредственно перерастают в юридическую ответственность. Например, ч. 2, 3 ст. 70, ч. 2 ст. 80, ч. 1, 2 ст. 85, ч. 4 ст. 162 ГПК РФ содержат общий запрет, который выражается в том, что свидетель, эксперт, переводчик обязаны явиться на судебное заседание и дать правдивые показания, объективное заключение, сделать правильный перевод. Ст. 158 ГПК РФ обязывает всех участников гражданского процесса соблюдать в судебном заседании установленный порядок.

Все названные нормы носят императивный характер, четко указывают на необходимость того или иного поведения участника процесса, тем самым запрещая иное поведение, и, безусловно, предполагают для конкретных субъектов обязанность, обеспеченную возможностью применения неблагоприятных для них последствий, предусмотренных законом.

Способы правового регулирования, будучи весьма разнообразными по своему содержанию, реализуются с преобладанием какого-то одного элемента, эффективности действия которого призваны способствовать остальные два. Современное гражданское процессуальное законодательство имеет тенденцию к увеличению юридических дозволений. Характер юридических дозволений, используемых в гражданском процессуальном праве, от общегражданских существенно отличается тем, что сохраняется неравенство – подчиненность участников правоотношений. Действия суда, обращенные к участникам процессуальной деятельности в ходе осуществления защиты нарушенного субъективного права или законного интереса, носят обязательный (императивный) характер. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду (ст. 2 ГПК РФ). Выполнение этих задач обеспечивается действием запретов на совершение определенных действий. Заинтересованность в исходе дела должны побуждать не только внешние предписания гражданской процессуальной правовой нормы, но и собственный интерес (материально-правовой), заключающийся в получении от суда решения в свою пользу или в пользу другого лица, в интересах которого возбуждено гражданское дело (процессуально-правовой интерес).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшенев В.М. Способы (методы) и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.
2. Палевин М.С. Еще раз о «едином» гражданском процессуальном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1. С. 80–84.
3. Игнатенкова К.Е. Способы правового регулирования: общетеоретический аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 5 (51). С. 15–21.
4. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 197 с.
5. Султыгов М.М. Запрет как метод правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 150 с.
6. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29.
7. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь

русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.

9. Рассыльников И.А. Юридическое воздействие на экономические отношения в современных российских условиях (теоретико-правовые основы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 25 с.
10. Сорокин В.Д. О едином методе правового регулирования // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 26–33.
11. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 34–45.
12. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 748 с.
13. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
14. Шахматов В.П. О способах правового регулирования, незапрещенности и вине // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. С. 67–70.
15. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Юридический центр пресс, 2004. 661 с.
16. Гражданское процессуальное право Украинской ССР / под ред. М.И. Штефана, Е.Г. Дрижчаной, Л.К. Радзиевской. Киев: Выща школа, 1989. 320 с.
17. Решетов Ю.С. Реализация норм права и правоотношения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 24–30.
18. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М.: БЕК, 1995. 496 с.
19. Общая теория государства и права / под ред. В.С. Петрова, Л.С. Явича. Л.: Ленинградский университет, 1974. 285 с.
20. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 311 с.
21. Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
22. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: СГУ, 1979. 92 с.
23. Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. М.: Юридическая литература, 1964. Вып. 36. С. 10–51.
24. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. М.: Юристъ, 1998. 336 с.
25. Юков М.К. Гражданское процессуальное право: структура и применение // Проблемы применения норм гражданского процессуального права: Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1976. Вып. 48. С. 48.

METHODS OF LEGAL EFFECTS IN TERMS OF INTEGRATION CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION

© 2015

O.V. Nikolaychenko, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair “Civil Process”
Saratov State Law Academy, Saratov (Russia)

Keywords: methods of legal impact; method of legal regulation; prohibition; requirement; permission; civil procedural regulation.

Abstract: In the article methods of legal impact to civil procedural legislation based on the views and research ideas proposed in the Russian legal science. Each method of influence is unique and it gets specific expressions in various branches of Russian law. Permission, prescription and prohibition find a place in the legal regulation of civil procedural relations, as demonstrated by the example of the rules of civil procedure. In the modern procedural legislation the permissions get priority that caused by the extension of optionality and competitiveness of the parties. The author substantiates the position, indicating a need in the reform of procedural legislation for the enhanced use of regulations and prohibitions. It is noted that the court supervises the process, and consequently requires certain means of legal impact on the parties of the civil procedural relations. Convincingly proved the need to distinguish between the concepts of “method of legal regulation”, “method of legal impact”, “remedies of legal impact”.

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ГОРОДСКОГО ПРАВА XIII–XV ВВ.

© 2015

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Самарская гуманитарная академия, Самара (Россия)

Ключевые слова: городское право; источники права; международные договоры; средневековое право.

Аннотация: В статье выделены и охарактеризованы основные группы международных договоров, известных на северо-западе Руси в XIII–XV вв. Показан их потенциал для изучения русского городского права.

Историю средневековых русских городов принято рассматривать в контексте противопоставления так называемых общинного и городского строя. В соответствии с этой концепцией древнерусские города функционировали в рамках дальнейшего развития общинных институтов, тогда как европейские города в это же время вышли за рамки эволюции общинных институтов и продемонстрировали становление «городского строя» [1–4]. Данный подход отличает очень большую степенью схематизма, при этом сознательно не ставятся вопросы сопоставления общинных начал в жизни древнерусских и европейских городов, равно как не ставится проблема этнокультурного своеобразия русского городского права, его допустимых отличий от эталонных европейских городских статутутов.

Международные договоры представляют собой ту группу источников права, которая крайне редко привлекается для анализа городского права как европейских, так и русских городов и его источников. Между тем от периода XIII–XV вв. сохранилось значительное количество заключавшихся между городскими общинами договоров, которые раскрывают особенности устройства городских общин, их взаимодействия друг с другом, с сельской прилегающей округой, взаимовлияния правовых норм и т. п.

В рамках данной статьи будут выделены несколько разновидностей международных договоров указанного периода и показано их значение для изучения городского права, без претензии на достаточно основательное раскрытие содержания отдельных групп этих памятников.

На нижней границе рассматриваемого периода находится договор Новгорода с Готским берегом 1189–1199 гг. Готским берегом на Руси называли остров Готланд, на котором находился один из крупнейших торговых центров – город Висбю. Право, действовавшее на острове Готланд, дошло до нас в составе судебного Гуталага, который можно поставить в один ряд с другими записями обычного права средневековой Европы [5, с. 113–171]. Тем больший интерес представляет тот факт, что текст договора 1189–1199 гг. строится на основе древнерусского права, прямые соответствия его статьям мы находим в тексте Русской Правды.

Последующие столетия – XIII и XIV в. – донесли до нас значительно большее количество текстов международно-правовых актов, которые можно попытаться систематизировать, распределив по нескольким группам, имеющим свои характерные черты.

Первую группу составляют договорные грамоты с князьями, которые необходимо отличать от собственно договорных грамот в узком смысле, прямое назначение которых состояло в установлении определенных отношений между городской общиной и князем. Следует отметить, что многие договоры Новгорода о мире с князьями преимущественно следовали формуляру договорных грамот [6, с. 39–43, 45–51], однако некоторые акты этой группы строятся по-иному, не определяя места князя и его должностных лиц во властной структуре городской общины. В формуляре этих договоров выделяются несколько устойчивых элементов-клаузул.

Первая клаузула указывает на обстоятельства, вы-

зававшие издание данной грамоты. Как правило, это вооруженный конфликт (например, «что ся учинило промежи князя и Новгорода розратье»), завершить который призвана договорная грамота, являющаяся поэтому «докончальной» [6, с. 23]. В некоторых грамотах указание на конфликтную ситуацию, требующую разрешения, не включается, авторы ограничиваются определением ее «докончального» характера [6, с. 24, 25–26].

Следующая клаузула посвящена определению условий восстановления справедливости, восстановления нарушенного интереса различных общественных групп обеих сторон. Земля имела особое значение в средневековом обществе, в связи с этим договаривающиеся стороны стремились к восстановлению нарушенной границы и возвращению захваченных земель («рубеш ми дати по старому рубешю») [6, с. 24]. Здесь же включалось условие о возвращении под власть Новгорода земель, купленных княжескими боярами во время конфликта, а также людей, заложившихся за князя и его слуг [6, с. 23].

Отдельную клаузулу составляла договоренность об обмене пленными без уплаты выкупа: «А што поимани люди мої, пустити вы безь окупа» [6, с. 24], «А что голвы поимано по всеи волости Новгородьской, а те пойдут[ть] к Новугороду безь окупа» [6, с. 23].

В некоторые грамоты включалась клаузула, определявшая размер денежной суммы, уплачиваемой проигравшей стороной. Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем 1316 г.: «А за все за то взяти князю у Новгорода двенадцать тысячи серебра...» [6, с. 23]. Здесь же определялись сроки выплаты компенсации, в качестве гарантии уплаты могли удерживаться заложники («талышики»).

Эти же основные моменты мирных договоров, оформлявшихся договорными грамотами, отражены в наказе послан, уполномоченным заключить мирный договор: 1) освобождение полна без выкупа (в том числе сложение целования с тех, кто был приведен князем к присяге, и освобождение тех, на кого была составлена «дерноватая» грамота); 2) отказ от истребования движимого имущества («товара»), пограбленного в ходе конфликта; 3) восстановление прежних границ земельных владений князя и Новгорода («А земле [и] воде старый рубеш по старым грамотам») [6, с. 32–33].

Рассмотренному выше образцу следовали и международные договоры о мире Новгорода с ганзейскими городами и другими государствами, однако в них присутствовали дополнительные условия. Например, в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262–1263 гг. также подчеркивается характер этой грамоты как «докончальной», кладущей конец вооруженному конфликту; отмечается, что все претензии сторон должны быть отложены (за исключением одной тяжбы, которой в грамоте дается решение). В грамоту были включены и дополнительные условия, учитывающие специфику отношений сторон: 1) декларация безопасности пребывания немцев и готландцев в Новгороде, а также новгородцев на Готланде и в немецких городах; 2) регулирование вопросов тор-

говых мер и весов; 3) регулирование вопросов торговых пошлин [6, с. 56–57].

В Ореховецком договоре 1323 г. в качестве дополнительного условия устанавливается запрет обеим сторонам ставить укрепленные поселения по Карельской земле, вводится традиционное для договорных грамот взаимное обязательство выдавать должников, поручников и беглых холопов [6, с. 68].

В некоторых случаях предусматривались территориальные уступки одной из сторон, в результате чего в договоре фиксировалась новая граница между державами. Например, по Ореховецкому договору Новгород отдавал шведам некоторые карельские земли («И да князь великий Юрги со всем Новымгородомъ по любви три погосты: Севилакшу, Яскы, Огребу – корельскы погосты»), вслед за чем в договоре подробно определялась новая граница («А розводъ и межа: от моря река Сестрея, от Сестрее мохъ...») [6, с. 68].

Вторую разновидность международных договоров составляли договоры о взаимной помощи. Первая клаузула здесь также указывает на обстоятельства, обусловившие издание грамоты. В отличие от мирных договоров, в этих грамотах описывается не предыдущая конфликтная ситуация, а прибытие делегации от одной из сторон и выраженное ими намерение заключить соглашение о координации совместных действий: «Се приехали ко мне, к великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, от отца моего владыки Олексея, и от посадника Юрья, от тысячково Олисея, и ото всего Новгорода Иванъ посадникъ, Василии Федоровъ, Иванъ Борисовъ, а от черныхъ людии Воиславъ Поповичъ, Василии Огафоновъ» [6, с. 31].

Основное же содержание грамоты составляет определение взаимных обязанностей, которые берут на себя стороны. Например, в договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с Новгородом 1371–1372 гг. совместные действия предполагаются против Литвы, Тверского княжества и немцев. В случае начала военных действий московского князя против Твери или Литвы новгородцы обязывались выступить на стороне Москвы, такие же обязательства брал на себя московский князь в случае военного конфликта Новгорода с Литвой, Тверью или немцами [6, с. 31]. Отдельно оговаривалось, что князь не должен покидать Новгород, пока не завершатся военные действия, за исключением того случая, когда нападению подвергнутся владения самого московского князя: «А поидеть на насъ рать, ехати ми от васъ, или брату моему, безъ хитрости, а то намъ не в измену» [6, с. 31]. В договоре Новгорода с Ливонским орденом 1323 г. предполагаются совместные действия против Литвы [6, с. 65–67].

В этой группе договоров могло специально оговариваться обязательство не заключать сепаратного мира («чтобы новгородцам мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира с литовцами не заключать без согласия новгородцев») [6, с. 66].

Третья разновидность международных договоров посвящена преимущественно регулированию совместных судов и определению других взаимных отношений. Например, в новгородской грамоте тверскому великому князю Борису Александровичу 1446–1447 гг. предлагалось урегулировать следующие вопросы: 1) порядок осуществления пограничного совместного суда (от каждой стороны назначалось по одному боярину для осуществления этого суда, ведению которого подлежали жители приграничных районов); 2) обязательство выдачи преступников; 3) сохранение верховенства соответствующей стороны над частными землями, независимо от места жительства собственника или владельца (если новгородец перебрался жить в Тверь, земля его все равно считалась новгородской, точно так же земли тверича, перебравшегося в Новгород, оставались под властью тверского князя); 4) определение места проведения суда

по подсудности ответчика («а имуть чего искати на новгородцехъ или на новоторжчехъ, судъ с новгородцемъ в Новгороде, а с новоторжчомъ в Торжку; или чего имуть искати новгородци или новоторжци на тферитине, судъ имъ во Тфери»); 5) определение торговых пошлин; 6) установление принципов судопроизводства, гарантирующих справедливое рассмотрение дела тверича в Новгороде или новгородца в Твери; 7) определение свободы торговли для обеих сторон; 8) взаимные обязательства выдачи беглых холопов [6, с. 37–38].

Вопросы внешней торговли занимали в международных отношениях значительное место, поэтому многие договоры были посвящены преимущественно этим проблемам. Поэтому логично выделить еще одну группу международных договоров «о торговле и суде». Ярким примером здесь является проект договора Новгорода с Любеком и Готским берегом от 1269 г., в котором можно выделить несколько разделов: 1) определение зон ответственности Новгорода и немецких городов за купцов и послов; 2) определение подсудности дел по преступлениям, совершенным на торговом пути; 3) регулирование условий преодоления порогов и предоставления услуг лоцманов и возчиков, а также определение судебного органа, которому подведомственны споры по этой категории дел; 4) определение особенностей судопроизводства и процессуальные нормы, касающиеся партнеров по договору; 5) уголовно-правовые нормы; 6) определение мер веса [6, с. 58–61].

Еще одну группу международных договоров составляли грамоты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). Такая грамота давала гарантии безопасного проезда по определенной территории. Сторона, выдавшая грамоту, могла также предоставить охрану для проезжающих купцов: «Оже будетъ не чистъ пут[ь] в речкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводить сии гость» [6, с. 62, 57].

Таким образом, договорные грамоты в целом следует отличать от международных договоров, но при этом некоторые договорные грамоты являются по своему содержанию международными договорами, и их следует рассматривать в составе этой группы древнерусских актов. Всего же можно выделить пять подгрупп международных договоров на северо-западе Руси в период XII–XIV вв.: 1) договоры о мире, прекращавшие вооруженный конфликт; 2) договоры о взаимной помощи (о совместных действиях против третьей стороны); 3) договоры, в которых регулировалась деятельность совместных судов; 4) договоры, регулировавшие торговые отношения; 5) международно-правовые акты о предоставлении свободного проезда («чистого пути»). Из указанных групп наименьший интерес для изучения городского права представляет вторая группа договоров, остальные являются поистине кладзем ценной информации.

Международные договоры показывают высокий уровень внутренней организации городских общин, развитый административно-судебный аппарат, способный эффективно выполнять как внутри-, так и внешнеполитические функции. Отношения городов Северо-Западной Руси и князей только в некоторых случаях напоминают отношения европейских городов и крупных феодалов, в большинстве случаев они строятся на других началах.

Из договоров видно, насколько значима была сельская прилегающая округа для городских общин, которые четко определяли границы своего влияния и конфликтовали из-за них с другими общинами или князьями. Наконец, договоры с «немецкими городами» не показывают никаких отличий, которые бы в формально-юридическом отношении можно было проследить между русскими городами и европейскими.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
2. Архив Юго-Западной России. Ч. 5. Т.1. Киев: Унив. Тип., 1869. 637 с.
3. Антонович В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев: Унив. тип., 1878. Вып. 1. 24 с.
4. Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Социально-экономическая литература, 1960. 351 с.
5. Гуталаг // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999. С. 113–171.
6. Грамоты великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.: Академия наук СССР, 1949. 408 с.

VALUE OF INTERNATIONAL TREATIES FOR STUDYING OF THE RUSSIAN CITY LAW OF THE 13TH–15TH CENTURIES

© 2015

Yu. V. Ospennikov, Doctor of Laws, Professor of Chair of the theory and history of state and law
Samara Humanitarian Academy, Samara (Russia)

Keywords: city law; sources of law; international contracts; medieval law.

Abstract: In article the main groups of the international treaties known in the northwest of Russia in the 13th–15th centuries are allocated and characterized. Their potential for studying of the Russian city law is shown.

УДК 343.01

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ:
ВСЕ «ЗА» И «ПРОТИВ»**

© 2015

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология»
К.А. Забурдаева, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: принудительные работы; наказание; исправительные центры; альтернатива лишению свободы; система наказания.

Аннотация: В связи с гуманизацией системы наказаний как одним из приоритетных направлений российской уголовной политики, на протяжении нескольких лет в действующее уголовное законодательство был внесен ряд изменений и дополнений, свидетельствующих о расширении сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В статье приведена характеристика принудительных работ с позиции норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, обозначены проблемы, связанные с их исполнением.

Принудительные работы – это новый вид наказаний, который был включен в систему наказаний, закрепленную в ст. 44 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1] в соответствии с Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 420-ФЗ) [2].

Несмотря на то что принудительные работы до сегодняшнего дня не назначаются и не исполняются, поскольку, исходя из последней редакции ч. 3 ст. 8 Закона № 420-ФЗ, нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части применения данного вида наказания должны вступить в силу 1 января 2017 года [2], среди ученых велись и ведутся споры относительно природы и законодательного закрепления института принудительных работ.

Из содержания ст. 53.1 УК РФ и ст. 60.4 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) [3] следует, что законодатель относит принудительные работы к наказаниям, альтернативным лишению свободы, выражая их сущность в следующем:

- во-первых, осужденные отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах, расположенных в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены; при этом срок наказания составляет от двух месяцев до пяти лет;

- во-вторых, осужденный привлекается к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (работают там, куда они направлены администрацией исправительного центра);

- в-третьих, с осужденного взыскиваются от пяти до двадцати процентов заработной платы в доход государства;

- в-четвертых, на осужденного возлагаются обязанности по выполнению предписаний правил внутреннего распорядка исправительного центра.

Анализ вышеизложенных норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства позволяет сделать вывод о том, что принудительные работы, несмотря на то что законодатель позиционирует их как наказание, альтернативное лишению свободы, фактически таковыми не являются, поскольку и ст. 53.1 УК РФ, и гл. 8.1 УИК РФ содержат ряд карательных элементов, характерных для наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. В частности, лицо, приговоренное к принудительным работам, как указывается в ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ, отбывает данное наказание в специализированном исправительном центре. А согласно ч. 3 ст. 60.1 УИК РФ и Порядку создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, утвержденному Приказом Минюста России от 08.04.2014 № 67 [4], изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, могут создаваться при исправительных учреждениях, где, как известно, отбывается наказание в виде лишения свободы.

Кроме того, как справедливо отмечает Е. Благоев, несмотря на то что принудительные работы на основании ч. 1 ст. 45 УК РФ отнесены к основному виду наказания, исходя из содержания ст. 53.1 УК РФ, они носят несамостоятельный характер, поскольку «применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 1) и назначаются только в порядке замены лишения свободы (ч. 2) [5].

С.В. Шевелева выделяет еще одну проблему, связанную с исполнением принудительных работ [6]. Согласно ч. 1 ст. 60.2 УИК РФ, как отмечает автор, осужденные к принудительным работам, находящиеся во время вступления приговора в законную силу на свободе, а также осужденные, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работа-

ми, следуют в исправительный центр за счет государства самостоятельно. При этом оплата проезда, обеспечение продуктами питания или деньгами на время проезда осужденных определяется Правилами оплаты проезда, обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда осужденных, самостоятельно следующих к месту отбывания принудительных работ, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 06.07.2012 № 691 [7]. Однако, исходя из смысла ч. 3 ст. 60.2 УИК РФ, приговоренные к принудительным работам, которые на момент вступления приговора в законную силу находились под стражей, как и лица, приговоренные к лишению свободы, следуют до исправительного центра под конвоем [6].

Необходимо обратить внимание также на тот факт, что законодатель предусмотрел в ст. 53.1 УК РФ так называемую «двойную» замену. Вначале суд, придя к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ) (замена более мягким наказанием). Затем, в случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ, они заменяются лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ) (замена более тяжким наказанием). Таким образом, в конечном счете осужденный возвращается в первоначальный статус лица, приговоренного к лишению свободы.

Как нам представляется, логичнее было бы в данном случае, по аналогии с институтом условного осуждения (природа которого имеет много общего с принудительными работами, в частности по признаку альтернативы реальному отбыванию лишения свободы), предусмотреть положения не о замене принудительных работ лишением свободы, а об их отмене.

Соответственно, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «6. В случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ, суд, по представлению администрации исправительного центра, где исполняется наказание в виде принудительных работ, может вынести решение об отмене принудительных работ и исполнении лишения свободы, назначенного приговором суда, из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ».

Однако принудительные работы по своей сущности близки не только с условным осуждением, но и с испра-

вительными работами (по признаку удержания из заработной платы в доход государства от пяти до двадцати процентов), а также обязательными работами (по признаку привлечения к труду в местах, определяемых соответствующими органами).

Предлагаем внести изменения в систему наказания в УК РФ, а именно объединить три вида работ (обязательные, исправительные, принудительные) в одно наказание, но наличие карательных элементов, таких как удержание заработной платы, срок наказания, место отбывания наказания, должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Такие виды работы должны быть общественно полезными, лишь в этом случае наказание и станет хорошей альтернативой лишению свободы, и пойдет на благо обществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации с по-
статейными материалами / под ред. А.И. Рапога. М.:
Спектр, 2015. 818 с.
2. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О
внесении изменений в Уголовный кодекс Российской
Федерации и отдельные законодательные акты
Российской Федерации» // Собрание законодательства
РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской
Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 15
января 2015 года. М.: Эксмо, 2015. 107 с.
4. Приказ Минюста России от 08.04.2014 г. № 67 «Об
утверждении Порядка создания при исправительных уч-
реждениях уголовно-исполнительной системы изолиро-
ванных участков, функционирующих как исправитель-
ные центры» // Российская газета. 2014. 30 апр.
5. Благов Е. Принудительные работы // Уголовное
право. 2012. № 2. С. 15–18.
6. Шевелева С.В. Перспективы назначения и испол-
нения наказания в виде принудительных работ // Вектор
науки Тольяттинского государственного университета.
Серия: Юридические науки. 2012. № 1 (8). С. 55–58.
7. Об утверждении Правил оплаты проезда, обе-
спечения продуктами питания или деньгами на время
проезда осужденных, самостоятельно следующих к
месту отбывания принудительных работ: постановле-
ние Правительства РФ от 06.07.2012 г. № 691 (ред. от
14.05.2013) // Собрание законодательства РФ. 2012. №
29. Ст. 4119.

FORCED LABOR AS ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT: ALL PROS AND CONS

© 2015

O.Y. Savelyeva, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair “Criminal law and criminology”

K.A. Zaburdayeva, graduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: forced labor; punishment; corrective centers; alternative to imprisonment; system of punishment.

Abstract: In connection with the humanization of the penal system as the priority of the Russian criminal policy, a number of amendments were introduced in the current criminal legislation for several years that indicate the expansion of the scope of application of punishments which are not connected with isolation of the convict from society. The article describes the characteristics of forced labor from the perspective of criminal and criminal-executive legislation, identifies the problems caused with their implementation.

Ключевые слова: налоговое правонарушение; налоговая ответственность; Налоговый кодекс РФ; Кодекс РФ об административных правонарушениях; Уголовный кодекс РФ.

Аннотация: Путем структуризации видов налоговых правонарушений и ответственности за их совершение в статье исследуется проблема самостоятельности налоговой ответственности как элемента в системе юридической ответственности.

Налоговые правонарушения являются актуальной проблемой и рассматриваются как симбиоз экономической и правовой сферы общественных отношений, что обусловлено самой природой возникновения нарушений налогового законодательства. Для государства налоговые правонарушения несут фискальный характер и зачастую заключаются в недополучении денежных средств в виде налогов и сборов по различным основаниям: сокрытие части дохода юридическим или физическим лицом, неправильное исчисление налога, занижение налоговой базы, неполная уплата налогов, непредставление отчетности в контролирующие органы и т. д. Перечисленные аспекты обуславливают актуальность проблемы налоговых правонарушений. Не менее важен и вопрос ответственности за нарушение налогового законодательства: виды ответственности предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) и Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) – в зависимости от субъекта правонарушения [1–3]. Такой порядок разграничения ответственности относительно нарушения налогового законодательства вызывает многочисленные споры и расхождение мнений ученых в части необходимости обособленного выделения налоговой ответственности.

Цель работы – структуризация видов налоговых правонарушений и налоговой ответственности и обоснование самостоятельного характера налоговой ответственности. Исследованию данной проблемы посвятили свои научные труды такие ученые, как А.А. Гогин, А.В. Брызгалин, И.И. Кучеров и прочие [4–8]. Тем не менее вопрос остается актуальным в виду отсутствия единообразного мнения в части отнесения налоговой ответственности к одному из видов юридической ответственности (например, административной) или выделение его как самостоятельного элемента.

Основанием налоговой ответственности является налоговое правонарушение. В соответствии со ст. 106 НК РФ под налоговым правонарушением следует понимать виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, за которое НК РФ установлена ответственность [1]. Причем к ответственности за налоговые правонарушения могут быть привлечены как организации, так и физические лица (с 16 лет) в случаях, предусмотренных гл. 16 НК РФ [1]. В ст. 108 НК РФ содержатся следующие условия привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения:

1) к ответственности юридические и (или) физические лица могут быть привлечены только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены НК РФ [1];

2) ответственность за налоговое правонарушение, совершенное физическим лицом, наступает, если определено, что деяние не содержит признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ [2].

Факт нарушения нормы будет признан налоговым правонарушением в случае, если он обладает следующими признаками:

- налоговое правонарушение представляет собой поведенческий акт налогоплательщика, плательщика

сбора, налогового агента или иного обязанного лица, который может быть совершен в двух формах: действие и бездействие;

- налоговое правонарушение подразумевает противоправное деяние, так как при его совершении нарушаются нормы, закрепленные в актах законодательства о налогах и сборах;

- налоговое правонарушение представляет собой виновное деяние;

- налоговое правонарушение относится к общественно вредному деянию;

- налоговое правонарушение является наказуемым деянием: за его совершение предусмотрено применение к виновному лицу принудительных мер имущественного характера.

Деяние может быть отнесено к налоговому правонарушению в случае наличия оснований, представленных на рисунке 1.

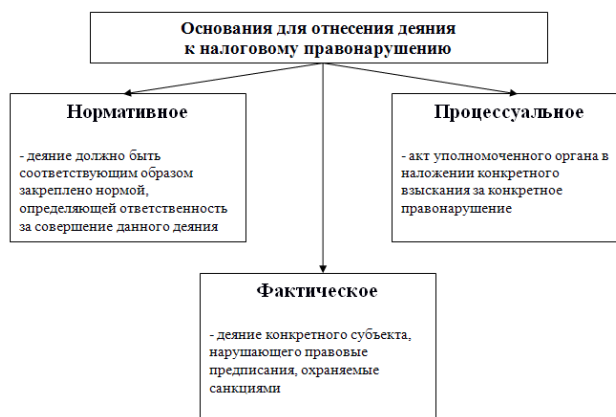

Рис. 1. Основания для отнесения деяния к налоговому правонарушению

Для обеспечения порядка уплаты налогов применяются различные виды юридической ответственности: финансовая, административная, уголовная и дисциплинарная. Для наступления юридической ответственности, в том числе и за нарушение налогового законодательства, необходимо наличие четырех условий:

- противоправное поведение;
- вред (ущерб);
- причинная связь между противоправным поведением и наступившим вредом (ущербом);
- вина нарушителя установленных правил поведения.

К общим условиям привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения относятся следующие:

1) привлечение виновного лица к ответственности не освобождает его от обязанности уплачивать причитающуюся сумму налога;

2) привлечение организации за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц, при наличии соответствующих оснований, от адми-

нистративной, уголовной или иной ответственности, в соответствии с законами РФ;

3) невозможно повторное привлечение к налоговой ответственности за совершение одного и того же налогового правонарушения;

4) лицо не будет считаться виновным в совершении налогового правонарушения до того момента, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда;

5) лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Такая обязанность по доказательству обстоятельств, которые свидетельствуют о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустранимые сомнения в виновности привлекаемого к ответственности лица толкуются в пользу этого лица (принцип презумпции невиновности налогоплательщика закреплен в п. 6 ст. 108 НК РФ);

6) в случае если не доказана вина налогоплательщика, к нему не могут быть применены санкции.

Виды налоговых правонарушений, а также налоговая и административная ответственность за их совершение представлены в ст. 116–129 НК РФ [1]. Ниже представлены основные виды налоговых правонарушений.

В соответствии со ст. 116 НК РФ нарушение налогоплательщиком срока постановки на учет в налоговом органе при отсутствии признаков налогового правонарушения влечет взыскание штрафа в размере 10 000 рублей [1]. Ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе влечет взыскание штрафа в размере 10 % от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 000 рублей.

Ст. 120 НК РФ содержит перечень штрафных санкций за грубое нарушение правил учета доходов и (или) расходов и (или) объектов налогообложения [1]. При этом предусмотрены три варианта:

- деяния совершены в течение одного налогового периода при отсутствии признаков налогового правонарушения – штраф 10 000 рублей;

- деяния совершены в течение более одного налогового периода – штраф 30 000 рублей;

- деяния, повлекшие занижение налоговой базы, – штраф в размере 20 % от суммы неуплаченного налога, но не менее 40 000 рублей.

При этом ст. 120 НК РФ содержит трактовку понятия «грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения»: отсутствие первичных документов, или отсутствие счетов-фактур, или регистров бухгалтерского учета или налогового учета, систематическое (два раза и более в течение календарного года) несвоевременное или неправильное отражение на счетах бухгалтерского учета, в регистрах налогового учета и в отчетности хозяйственных операций, денежных средств, материальных ценностей, нематериальных активов и финансовых вложений.

В ст. 118 НК РФ установлены следующие санкции в случае нарушения налогоплательщиком семидневного срока представления в налоговый орган информации об открытии или закрытии им счета в каком-либо банке: штраф 5 000 рублей [1].

В соответствии со ст. 119 НК РФ непредставление налогоплательщиком в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации в налоговый орган по месту учета при отсутствии признаков налогового правонарушения влечет взыскание штрафа в размере 5 % суммы налога, подлежащей уплате (доплате) на основе этой декларации, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для ее представления, но не более 30 % указанной суммы и не менее 1 000 рублей.

В случае предоставления налоговой декларации не по установленной форме в электронном виде ст. 119.1 НК РФ предусматривает штраф в размере 200 рублей [1].

Ст. 121 НК РФ предусматривает ответственность за неуплату/неполную уплату сумм налога [1]. Так, последствием неуплаты или неполной уплаты суммы налога в результате занижения налоговой базы, иного неправильного исчисления налога или других неправомерных действий (бездействия) для налогоплательщика станет взыскание штрафа в размере 20 % от неуплаченных сумм налога. В случае если данное деяние совершено умышленно, то размер штрафа повышается до 40 % от суммы неуплаченного налога.

В ст. 123 НК РФ содержится налоговая ответственность за неправомерное перечисление (неполное перечисление) сумм налога, подлежащего удержанию и перечислению налоговым агентом [1]. Данное деяние карается штрафом в размере 20 % от суммы, подлежащей перечислению.

В случае когда налогоплательщик не соблюдает порядок владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, на которое наложен арест или в отношении которого налоговым органом приняты обеспечительные меры в виде залога, применяется ст. 125 НК РФ: штраф в размере 30 000 рублей [1].

В случае если налогоплательщик не предоставил налоговому органу необходимые для налогового контроля сведения, начинает действовать ст. 126 НК РФ [1]. При этом законодатель установил различные штрафные санкции в зависимости от следующих вариантов:

- если налогоплательщик не представил требуемые документы и деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст. 119, 129.4 и 129.6 НК РФ, – штраф в размере 200 рублей за каждый непредставленный документ [1];

- если контролирующее лицо само отказывается/уклоняется представлять имеющиеся у него документы налоговому органу, ему грозит штраф в размере 100 000 рублей;

- если в указанный срок не представлены сведения о налогоплательщике, или произошел отказ лица запросу налогового органа в представлении сведений, или представленные документы содержат заведомо ложную информацию, а деяние не содержит признаков нарушения законодательства о налогах и сборах, предусмотренного ст. 135.1 НК РФ, предприятия и ИП обязаны уплатить штраф в размере 10 000 рублей, физические лица (без образования ИП) – 1 000 рублей.

Ст. 128 НК РФ предусматривает ответственность свидетеля за отказ или уклонение от явки без уважительной причины по делу о налоговом правонарушении – штраф в размере 1 000 рублей. В случае если свидетель отказывается давать показания либо дает ложные показания, предусмотрен штраф в размере 3 000 рублей [1].

Если привлекаемый для совершения налоговой проверки эксперт, переводчик, специалист отказывается от участия в ней или дает заведомо ложный перевод/заклочки, ст. 129 предусматривает штраф:

- в первом случае – 500 рублей;

- во втором случае – 5 000 рублей.

Лицо, не сообщившее налоговому органу сведения, которые оно должно было сообщить, в соответствии со ст. 130 обязано уплатить штраф в размере 5 000 рублей. При повторном несообщении сведений в течение календарного года – штраф 20 000 рублей [1].

Перечисленные штрафные санкции, предусмотренные в НК РФ, направлены на стимулирование налогоплательщиков к соблюдению законодательства и минимизацию неблагоприятных ситуаций [1]. Однако кроме налоговой предусмотрен другой вид ответственности, содержащийся в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономики», – уголовная ответственность [2].

До 1 января 2010 года происходил процесс изменения норм уголовного права, касающихся уголовных престу-

плений в части неуплаты налогов и сборов. Результатом стало исключение ряда таких норм из уголовной сферы. В настоящее время уголовная ответственность за налоговые преступления регламентирована четырьмя статьями УК РФ: 198, 199, 199.1, 199.2 [2].

Следует отметить, что под субъектом понимается привлекаемое к уголовной ответственности физическое лицо. Данное определение действует даже в отношении ситуаций, когда уголовное деяние относится к предприятию. Другими словами, в случае совершения уголовного преступления в части уклонения от уплаты нало-

гов к ответственности будут привлечены определенные виновные люди, например директор предприятия или главный бухгалтер, а в некоторых случаях и учредители. Важен тот факт, что уголовная ответственность за неуплату налогов и сборов может наступить для лиц, совершивших противоправное деяние, если они вменяемы и достигли 16-летнего возраста.

В УК РФ предусмотрены три вида деяний, образующих состав уголовного преступления касательно налогов и сборов. Их классификация и санкции, предусмотренные УК РФ, представлены на рисунке 2 [2].

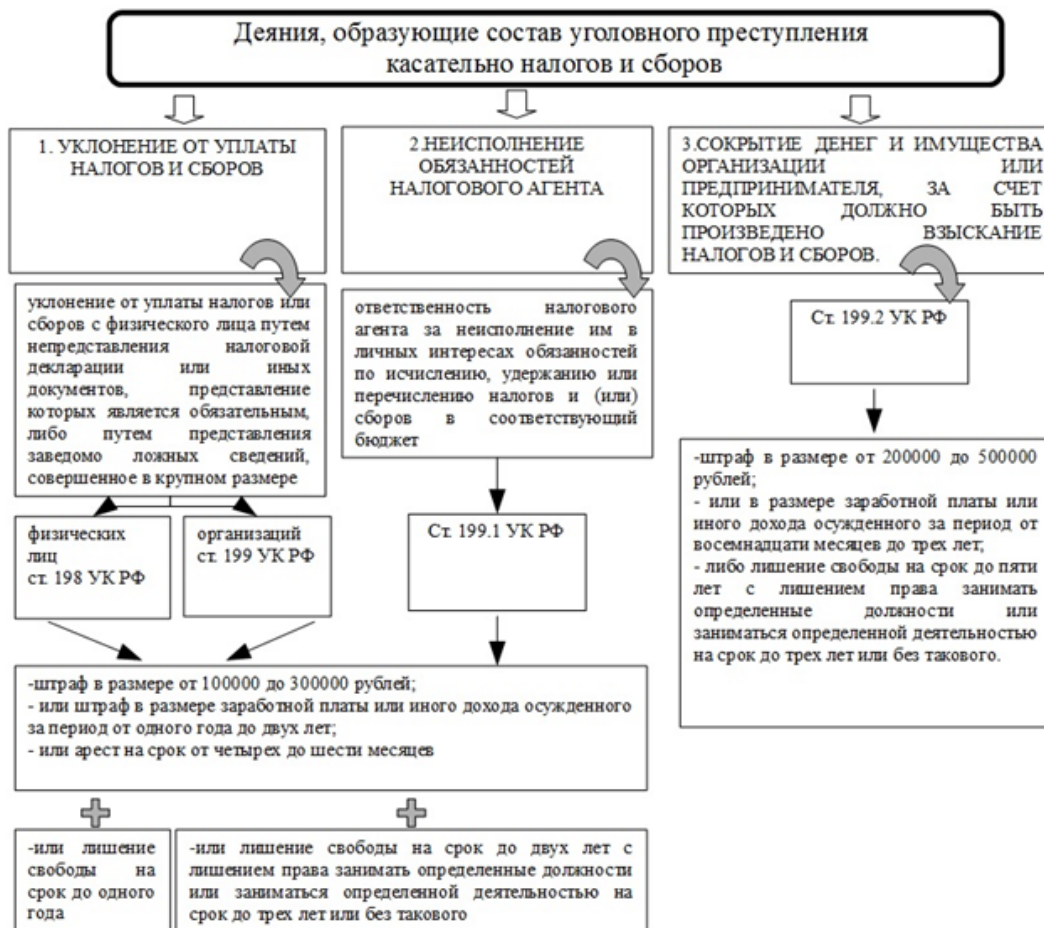

Рис. 2. Деяния, образующие состав уголовного преступления касательно налогов и сборов

В целях пояснения содержания рисунка следует отметить, что в ст. 198 УК РФ предусмотрены также санкции при уклонении физических лиц от уплаты налогов и сборов как в крупном, так и особо крупном размере [2]. Крупным размером является сумма налогов и (или) сборов, которая составляет за период в пределах трех финансовых лет подряд более 600 000 рублей. Выделяется и условие признания суммы крупным размером: доля неуплаченных налогов и (или) сборов должна составлять больше 10 % подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо превышать 180 000 рублей. Под особо крупным размером следует понимать сумму за трехлетний финансовый период, превышающую 3 000 000 рублей с условием, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов составляет более 20 % от подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо превышает 9 000 000 рублей.

В ст. 198 УК РФ предусмотрены другие санкции за совершение противоправного уголовного деяния при особо крупном размере неуплаченных налогов [2]:

- штраф от 200 000 до 500 000 рублей;
- или штраф в размере заработной платы или иного

дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет;

- или лишение свободы на срок до трех лет.

Следует отметить тот факт, что с 1 января 2010 года лицо, которое совершило налоговое преступление, регламентированное ст. 198 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности в случае полной уплаты суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафа [2].

Ст. 199 и 199.1 УК РФ также содержат несколько вариантов санкций в зависимости от размера неуплаченных сумм налогов или сборов [2]. Так, к крупному размеру относится сумма налогов и (или) сборов, которая за три последних финансовых года составила более 2 000 000 рублей, при этом доля неуплаченных налогов и (или) сборов составляет более 10 % подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо более 6 000 000 рублей. К особо крупному размеру следует относить сумму, которая за три предыдущих финансовых года составила более 10 000 000 рублей, при этом доля неуплаченных налогов и (или) сборов составляет более 20 % подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо

более 30 000 000 рублей.

В ст. 199 УК РФ также содержится следующий важный аспект: в том случае, если преступление совершено группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере, действуют следующие категории санкций [2]:

- штраф от 200 000 до 500 000 рублей;
- или штраф в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет;
- или лишение свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Ст. 199.1 УК РФ определяет наказание за деяние, совершенное в особо крупном размере аналогично ст. 199, за исключением одного аспекта – возможности взыскания штрафа в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти лет [2].

Следует отметить, что факт неуплаты налогов в менее крупных размерах, даже в случае полного формального наличия состава уголовного преступления, являться преступлением не будет, что обусловлено п. 2 ст. 14 УК РФ, в котором дается определение действия, не относящегося к преступлению [2]. Так, не относится к преступлению действие/бездействие, формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но не представляющее общественной опасности в силу своей малозначительности. Тем не менее в связи с неуплатой налогов и ввиду отсутствия уголовной ответственности, будут применены другие виды ответственности: административная, налоговая. Кроме того, отсутствие в действиях по неуплате налогов состава уголовного преступления вовсе не означает, что нет необходимости в уплате налогов и штрафов: начисленные налоги, штрафы и пени в любом случае должны быть перечислены в бюджет, однако в данной ситуации – без привлечения к уголовной ответственности.

К последнему виду налоговых правонарушений относят административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, которые регламентированы гл. 15 КоАП РФ. Так, при нарушении срока постановки на учет в налоговом органе применяется ст. 15.3 КоАП РФ [3]. Данное правонарушение влечет за собой предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 500 до 1 000 рублей. В случае если нарушен срок подачи заявления о постановке на учет, должностные лица обязаны заплатить штраф от 2 000 до 3 000 рублей.

В случае нарушения семидневного срока для уведомления контролирурующих органов об открытии/ закрытии расчетного счета предприятия, на должностных лиц, в соответствии со ст. 15.4 КоАП РФ, налагается штраф от 2 000 до 3 000 рублей [3]. Если же нарушены сроки представления налоговой декларации в налоговый орган, должностные лица получают предупреждение или штраф в размере 300–500 рублей, согласно ст. 15.5 КоАП РФ [3].

При несообщении сведений, которые необходимы

для проведения налогового контроля, согласно ст. 15.6 КоАП должностное лицо обязано заплатить штраф в размере 300–500 рублей, а гражданин – в размере 100–300 рублей [3]. Если банк или иная кредитная организация открывают счет организации или ИП без предъявления ими свидетельства о постановке на учет в налоговом органе, штраф на должностное лицо составит 1 000–3 000 рублей (ст. 15.7 КоАП РФ) [3]. При нарушении банком установленного срока исполнения поручения налогоплательщика о перечислении налога или сбора должностному лицу грозит штраф от 4 000 до 5 000 рублей.

Таким образом, классификация налоговых правонарушений определена исходя из вида ответственности: уголовной, налоговой или административной, – который, в свою очередь, зависит от субъекта правонарушения. Уголовная ответственность применяется в отношении физических лиц в случае уклонения от уплаты налогов и сборов в крупном и особо крупном размере. Несмотря на тесную взаимосвязь налоговой, административной и уголовной ответственности в отношении нарушений налогового законодательства, самостоятельный характер налоговой ответственности в системе юридической ответственности подтвержден наличием специфических признаков: основные положения о налогах и сборах закреплены в НК РФ; предусмотрены собственные меры как карательного, правоохранительного характера, направленные на нарушителя в качестве наказания за противоправно совершенное деяние или бездействие, так и поощрительного характера, побуждающие налогоплательщиков соблюдать нормы, предписанные законодательством РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: части первая и вторая: текст с изменениями и дополнениями на 15 января 2015 года. М.: Эксмо, 2015. 941 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации с постантейными материалами / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2015. 818 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с изменениями и дополнениями. М.: Эксмо, 2015. 477 с.
4. Гогин А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 7.
5. Гогин А.А. К вопросу об уточнении отдельных положений налогового кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы правоведения. 2005. № 3 (12). С. 182–186.
6. Смагина А.Ю. Механизм реализации налоговых льгот в рамках свободной экономической зоны Крыма // Крымский научный вестник. 2015. № 4–1. С. 326–346.
7. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность как вид юридической ответственности // Журнал российского права. 2005. № 10 (106). С. 142–151.
8. Репетева О.Е. Классификация юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 68–70.

ACTUAL PROBLEMS OF THE CLASSIFICATION OF TAX OFFENSES AND RESPONSIBILITY FOR THEIR COMMISSION

© 2015

*A. Yu. Smagina, lecturer of Chair “Business and Labor law”
 Togliatti State University, Togliatti (Russia)*

Keywords: tax violation; tax liability; the Tax Code; the Code of Administrative Offences; the Criminal Code of the Russian Federation.

Abstract: By structuring the types of tax offenses and the responsibility for these acts, the article examines the problem of the independence of the tax liability as part of the system of legal liability.

Ключевые слова: источники права; магдебургское право; городское право; Великое княжество Литовское.

Аннотация: В статье рассматриваются общие процессы распространения городского права в городах Западной России и его последующей рецепции в Московском государстве. Поднимаются вопросы формальной структуры и содержания магдебургского права в указанном контексте. Определяются актуальные перспективные проблемы их исследования.

В конце XV – начале XVI в. завершилось образование российского государства. Его становление происходило не легким способом, а достаточно трудным путем присоединения к Москве Псковской республики, Рязани, ряда других земель. Важным этапом этого процесса являются русско-литовские войны, вследствие которых после серии переходов удельных князей восточных земель великого княжества Литовского на московскую службу и нескольких русско-литовских войн к русскому государству были присоединены Чернигов и Смоленск. К концу XVI в. в России насчитывалось приблизительно 220 населенных пунктов городского типа. Наиболее крупным из них была Москва, не менее развитыми – Новгород и Вологда, Казань и Ярославль, Калуга и Тула, Астрахань и Великий Устюг. Таким образом, была создана огромная держава – одно из самых крупных государств в Европе. В рамках этого государства была объединена русская народность. В это же время в Западной Европе также проходил процесс образования национальных государств.

В конце XV – начале XVI в. Иван III выдвинул задачу возврата всех входивших ранее в состав Киевской Руси русских земель, которые на тот момент находились в составе Польши, Литвы, Венгрии.

Возвращаясь к истокам правления российского государства, нужно отметить управление землей в киевский период. Одной из форм было вече. В Новгороде и Пскове народное собрание пользовалось большим влиянием, чем князь и бояре, и город становился городом-государством, но во время татаро-монгольского нашествия вече утратило собственную мощь [1, с. 32–34].

Насколько известно, правительство Великого княжества Литовского основывалось на правах и привилегиях дворянства [2–4]. Политический климат в Великом княжестве не содействовал сохранению конституционных прав городов. Никто из городских жителей не допускался на совет вельмож, и в сейме не было представителей городского населения.

Большие города в Великом княжестве Литовском располагались на государственных землях [5, с. 14]. Малые города относились либо к владениям короны, либо к землям знати. Город был лишен всякого участия в политической жизни, но сберегал свое муниципальное самоуправление. Постепенно старые русские институты были упразднены, и в большинстве городов, в соответствии с германским правом, стало действовать муниципальное правительство.

Городское население в Польше и Литве было этнически разнородным. В средневековой Польше короли поддерживали образование немецких колоний в городах и сельских районах для того, чтобы способствовать развитию коммерции, ремесла и сельского хозяйства. По тем же причинам русские князья в Галиции и Волыни приглашали немецких поселенцев в свои города в XIII – начале XIV в. Великие князья литовские продолжали ту же самую политику. Однако в большинстве старых русских городов русские все еще составляли большинство населения.

В Польше немцы следовали германскому праву. Таким образом, первая инфильтрация германского пра-

ва в Польшу была связана с немецкой колонизацией. В последующем в польских и русских городах Польши стали действовать германские муниципальные законы, положения которых по причинам финансового характера вполне устраивали королей. В Польше существовало германское муниципальное уложение – магдебургское право. Это законодательство применялось в Польше в несколько видоизмененной форме. Из Польши германское право проникло в Великое княжество Литовское.

В Литве магдебургское право впервые было даровано Вильно (1387 г.). На протяжении XV в. оно распространилось на Трокай, Брест, Луцк, Кременец, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Киев, Минск и Новогрудок. В XVI в. его получили многие другие города, а последним из русских городов – Витебск (1593 г.).

Предоставление немецкого городского права сопровождалось постепенным ущемлением прав русского населения городов, составлявшего абсолютное большинство. Нередки были случаи административных запретов, которые ограничивали возможности участия русского населения в выборных органах городского самоуправления [6, с. 79; 7, с. 99–100].

Города, которые получили магдебургское право, были во многих вопросах свободны от вмешательства должностных лиц великого князя в их дела и подчинялись своему собственному муниципальному правительству [8, с. 207–212]. Во главе его первоначально стоял войт, назначавшийся великим князем (часто выбранный им из числа дворян). Войт мог передать должность по наследству или же продать ее другому лицу. Со временем многие города покупали должность войта, после чего права войта передавались городскому совету (раде).

В ряде западнорусских городов рада несла ответственность лишь за муниципальное управление городом и его благосостояние. Для ведения судебных разбирательств был организован особый комитет, известный как лава («скамья»). Лавников (членов лавы) назначала рада. Они рассматривали уголовные дела в качестве присяжных, а войт или бурмистр исполнял роль судьи [7, с. 99–100].

Мнения историков по поводу роли магдебургского права в жизни западнорусских городов расходятся. Некоторые исследователи, например В.Б. Антонович, считают введение немецкого муниципального права важной попыткой укрепления позиции городов и горожан [2, с. 59]. Другие, в частности М.Ф. Владимирский-Буданов, подчеркивают отрицательные аспекты германского права [6, с. 81].

Нет сомнений в том, что при магдебургском праве статус горожан стал более устойчивым, и они освободились от многих обременительных обязанностей. Кроме того, некоторые немцы, поселившиеся в западнорусских городах, были талантливыми ремесленниками, что заметно сказалось на развитии ремесел.

С другой стороны, горожане должны были выдерживать конкуренцию с дворянами. Последние не имели права лично принимать участие в торговле или ремесленном производстве, но часто занимались этим через своих доверенных лиц. Многие ремесленники работали

и на господарских землях, и в больших угодьях знати, и они не были ограничены цеховыми предписаниями. Дворянам была дана привилегия продавать продукцию с их земель за границу и ввозить товары для личного пользования из-за границы, причем этот товар не облагался таможенной пошлиной. На ввозимые таким образом товары не распространялись муниципальные рыночные ограничения.

В.Б. Антонович в этой связи указывал на сохранявшееся сильное влияние общинных начал, поскольку верховные права на землю признавались за городской общиной, а не за отдельными феодалами [9, с. 9]. Но это представление постепенно разрушалось, так что, например, в Киеве в конце XV в. горожане потеряли право пользоваться сенокосами и прудами, села и пустоши распределялись между литовскими панями и боярами [10], а в конце XVI – начале XVII в. единственным следом прежней власти городской общины над сопредельной территорией осталось право горожан рубить дрова в окрестностях города, сперва на расстоянии 5 миль от города, а потом только от устья Ирпени до реки Кривец, и право рыбной ловли в Днепре и его заливах в тех же границах [9, с. 12–13].

Право самоуправления, данное городам, хорошо выглядело на бумаге, фактически муниципальное правительство контролировалось войтом и его приближенными, а в тех городах, где должность войта была куплена, реально правили нескольких богатых семей, приближенных к раде. Члены рады извлекали значительную прибыль из управления муниципальными производственными и торговыми учреждениями. Как замечает М.Ф. Владимирский-Буданов, рада подчинила себе общественный дух горожан и обуздала их инициативу. Она сконцентрировала в своих руках муниципальную власть и богатство. Помимо того, во многих городах рада проявила себя как орудие подавления русского населения и

православной веры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оспенников Ю.В. Об особенностях изучения договорных грамот Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 32–34.
2. Антонович В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев: Univ. тип., 1878. Вып. 1. 24 с.
3. Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1901. Т. 1. 26 с.
4. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М.: Академия наук СССР, 1959. 531 с.
5. Грушевский А.С. Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв.: старина и борьба за старину. Киев: Univ. тип., 1918. 240 с.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. 302 с.
7. Музыченко П.П. История государства и права Украины. Киев: Знание, 2008. 588 с.
8. Забашта А.С. Магдебургское право: понятие и источники // Наука и современность. 2011. № 13–3. С. 207–212.
9. Архив Юго-Западной России. Ч. 5. Т.1. Киев: Univ. Тип., 1869. 637 с.
10. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1846. № 120, 129, 151, 158, 171.

RECEPTION OF NORMS OF THE FOREIGN LAW IN THE 16TH CENTURY IN THE SPHERE OF THE RUSSIAN CITY LAW

© 2015

A.A. Talyneva, cadet

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: sources of law; Magdebourg right; city law; Grand Duchy of Lithuania.

Abstract: In article the general processes of distribution of the city law in the cities of the Western Russia and its following receptions in the Moscow state are considered. Questions of formal structure and the content of the Magdebourg right in the specified context are brought up. Actual perspective problems of their research are defined.

УДК 340

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ПЕРИОД С IX ПО СЕРЕДИНУ XIX В.

© 2015

А.Н. Федорова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: правонарушение; преступление; проступок; памятники права.

Аннотация: В статье дается характеристика понятия правонарушения в различные исторические эпохи. Основываясь на содержании памятников права, автор выделяет особенности подходов к пониманию и сущности указанного явления.

Одной из наиболее сложных в историко-правовой науке признана проблема соотнесения понятий и юридических конструкций, используемых современной теорией права, и терминологии, которая существовала в праве определенной исторической эпохи. В многочисленных исследованиях, посвященных Русской Правде, нельзя найти упоминания о понятии, составе, элементах правонарушения как общего понятия, соединяющего в себе противоправные деяния различной степени опасности, однако следует отметить существование в литературе определения понятия «преступление» по Русской Правде.

По Русской Правде независимо от того, на что пося-

гает виновный – на личность или имущество, данное деяние обозначалось как «обида». Иными словами, противоправное поведение (правонарушение) в терминологии древнерусского права имеет наиболее близкий аналог в понятии «обида», при этом и сам термин, и особенности его применения указывают на такую важную особенность, как частноправовая трактовка правонарушения. «Обида» рассматривается средневековым сознанием прежде всего как нарушение частного интереса и только затем – как нарушение правового установления, то есть частноправовой элемент трактовки правонарушения обладает над публично-правовым.

Вред частному лицу составляет характерную черту

правонарушений, которые предусматривались древнейшими памятниками русского права вплоть до XV в., в том числе и Русской Правдой. Помимо материального вреда, «обида» по Русской Правде подразумевает и причинение морального вреда. Так, ст. 8 Краткой редакции и ст. 67 Пространной редакции говорят о вырывании усов и бороды, что может быть охарактеризовано именно как причинение морального вреда.

Тем не менее многие исследователи придерживаются мнения об уже сформировавшемся понятии государства и, соответственно, о наличии преступлений против государственной власти. В частности, по мнению С.В. Юшкова, в Киевской Руси преступления против государства понимались как посягательства против княжеской власти [1, с. 509]. Наличие преступлений против государства предполагает, что в результате противоправных действий могли быть нарушены интересы господствующего класса, князя, а следовательно, государства. Соответственно, преступные деяния носили публичный характер. Самое слабое место этой концепции – отсутствие упоминаний о преступлениях против государственной власти в самой Русской Правде. Ведь все крупные памятники последующего законодательства предусматривали ответственность за преступные деяния этого типа. Логично предположить, что представление о государственной целостности и институте государственной публично-правовой власти сформировались только в период феодальной раздробленности, что и нашло отражение в процессе формирования централизованного государства с развитым аппаратом управления.

Период феодальной раздробленности на Руси отличается от периода существования Древнерусского государства значительным развитием понятия преступления. Вместе с тем специального термина для обозначения указанного понятия в Псковской судной грамоте не было.

Новгородское право, как и древнерусское, не знало формального понимания преступления как нарушения закона. Могло караться всякое деяние, причинившее вред, ущерб в широком смысле слова. Общее определение посягательства на чьи-либо интересы, соответствующее «обиде» Русской Правды, в новгородских источниках не встречается. Как подчеркивает О.В. Мартышин, как преступления могли караться «...попущки, сами по себе безобидные, но повлекшие тяжелые последствия...» [2, с. 277].

И.Е. Энгельман считал, что Псковская судная грамота «уже представляет нам зародыш того взгляда на преступление, который видит в нем более нарушение прав государственных, нежели частных, однако же при всем том большую часть преступлений она рассматривает как нарушения частного права, так что даже смертоубийство не подвергается по ней смертной казни, которая назначается единственно за тяжкое воровство, зажигательство и измену» [3, с. 70].

Не определенное специальным термином преступление предполагало совершение деяния, причиняющего вред не только отдельному частному лицу, но и государству в целом. И.Д. Мартысевич считает, что именно поэтому Псковская судная грамота упоминает о государственных преступлениях, например о государственной измене («перевете»), о которых ничего не говорится в Русской Правде [4, с. 93]. Преступление, по Псковской судной грамоте, представляет собой причинение вреда не только отдельной личности, а также интересам государства, его органов и должностных лиц. Правонарушитель в уголовно-правовых установлениях фигурирует лишь как абстрактный некто. Хотя Псковская судная грамота подразумевает участие в преступной деятельности детей, женщин, монахов, стариков, глухих, убийство сыном отца или братьев (ст. 58, 97), никаких специальных юридических характеристик преступника из этого не следует [5, с. 45].

В Судебнике 1497 г. под преступлением понимается,

прежде всего, посягательство на господствующий феодальный правопорядок, за которое преследует не потерпевший, а государство. Совершая преступление, «лицо тем самым противопоставляло себя обществу и господствующим в нем правилам общежития, нарушало упорядоченность системы общественных отношений» [6, с. 10]. Частноправовое начало в понятии преступления уступает место публично-правовому. Однако указанный переход к публично-правовому началу в установлении наказания не был окончательным, и частноправовой взгляд на преступление имел место и в эпоху Судебника 1497 г.: «А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнугиеть, да исцу его выдать въ его гибели головою на продажу, а судье не имати ничего на нем» [7, с. 55].

Эволюция понятия правонарушения характеризуется формулированием одного из важнейших признаков преступления – общественной опасности, поскольку «преступление наносит урон всему социальному и правовому укладу» [6, с. 10]. Термин «лихое дело», используемый в Судебнике 1497 г., заменил термин «обида», которым ранее обозначалось правонарушение. Смысл преступления стал более определенным и открытым. Первое упоминание об «ином каком лихом деле» встречается в статье 8 Судебника 1497 г. Ею предусмотрены меры ответственности за «татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело». Итак, «лихое дело» – это преступление по Судебнику 1497 г.

Обозначая неограниченный круг деяний как «иное какое лихое дело», Судебник 1497 г. в качестве преступника вводит понятие «ведомого лихого человека» [8, с. 43]. «Ведомый лихой человек» – это преступник по Судебнику 1497 г. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что «такими людьми признаются, по приговору общества, люди, хотя бы не уличенные ни в каком отдельном преступном деянии» [9, с. 393]. «Лихим человеком» мог быть признан любой, хотя бы и не совершивший никакого конкретного деяния, но сочувствовавший требованиям народа, поддерживавший их и в силу этого являющийся лицом, опасным для господствующего класса [10, с. 68–69]. Комментаторами Судебника 1497 г. отмечается, что неверно относить человека, совершившего деяние умышленно, к числу «ведомых лихих людей», поскольку первоначально, когда понятия случайного и неосторожного деяния еще не были выделены, виновный действовал умышленно. Но это еще не означало, что он был «лихим человеком», да еще и «ведомым» [10, с. 71].

Для признания кого-либо «ведомым лихим человеком» вовсе не требовалось, чтобы в его действиях был состав преступления, то есть таким путем обеспечивалась возможность причисления к «ведомым лихим» всякого выступающего против господствующего класса, и, соответственно, существовала возможность расправиться с ним [11, с. 41]. Введение такого понятия, как «ведомый лихой человек», являлось важным новшеством Московской Руси. Им обозначалось лицо, пользовавшееся среди местных жителей репутацией явного злоумышленника, закоренелого, профессионального преступника, уже неоднократно проявлявшего свои криминальные наклонности [6, с. 12–13]. В.А. Рогов подчеркивает, что «ведомые лихие» и разбойники стали главной опасностью для феодального государства [12, с. 5].

Судебник 1550 г. сохраняет термины, установленный Судебником 1497 г.: «лихое дело» – для обозначения правонарушения и «ведомый лихой человек» – для обозначения правонарушителя [13, с. 106–107, 108], хотя они практически не упоминаются Судебником 1550 г.

Под преступлением Судебники понимают не только нанесение материального или морального ущерба, «обиду». На первый план выдвигается защита существующего социального и правового порядка. Преступление – это, прежде всего, нарушение установленных норм,

предписаний, а также воли государя, которая неразрывно связывалась с интересами государства.

Уложение, подводя итог развитию русского уголовного права в XVI–XVII вв., понимает под преступлением не только какое-либо посягательство на феодальный порядок, но и вообще всякое нарушение указа царя. Как подчеркивает М.Ф. Владимирский-Буданов, Уложение «создает немало новых видов преступлений путем запрета безразличных деяний из целей полицейских и финансовых, чем понятие о преступлении приближается уже (но не равняется еще) к понятию о нем как о нарушении закона» [9, с. 401].

Соборное уложение 1649 г. в качестве термина, обозначающего преступление, продолжает использовать термин «лихое дело», уточняя его. «Лихие дела» в период Соборного уложения 1649 г. представляют опасность для феодального общества. Преступление характеризуется не столько причинением вреда, сколько нарушением царской воли, установленного порядка и посягательством на устои существующего государственного и общественного строя, на огражденные законом права частных лиц.

При Петре I впервые появляется термин «преступление» для обозначения наказуемых деяний, означавший всякое нарушение закона, воли царской, воли государевой, хотя в указанный период времени еще не существует четкого определения данного понятия. Учители, что государство защищало интересы дворянства, можно считать, что преступлением являлось действие, общественно опасное для государства и дворян. Понятие преступления формулируется позже в XV томе Свода законов Российской империи.

Преступлением являлось и что-либо «вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, также его государства, людей или интересу государственного» [14, с. 328]. Комментаторами статьи отмечается, что в качестве преступления могло рассматриваться и действие, прямо не предусмотренное законом, что влекло за собой широкое применение уголовной репрессии и развитие судебного произвола [15, с. 328].

Использовавшиеся ранее термины «вор», «воровство» заменялись понятиями «преступление», «преступитель» и «преступник», что явилось существенным нововведением по сравнению с ранее действовавшими нормами. Однако статьи не отказались полностью от терминологии, существовавшей в Соборном уложении 1649 г., и в нормах статей употребляются термины «воровски» и «вор» для обозначения преступно совершенного деяния и преступника как лица, его совершившего.

Наиболее полная характеристика преступления и проступка была дана к середине XIX в. В томе XV Свода законов устанавливается: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [16, с. 1]. Свод законов уточнял, что преступление запрещается под страхом наказания, а проступок – под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления, то есть при определении данных институтов в основу была положена тяжесть наказания, устанавливаемая за их совершение.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» предпринималась попытка определить преступление и проступок в зависимости от объекта посягательства: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права и безопасность общества или частных лиц, есть преступление» [16, с. 174]. По мнению О.А. Омельченко, «едва ли не главной характеристикой тех новых принципов и идей в уголовной политике «просвещенного абсолютизма» было стремление отойти от формального и абстрактного понимания преступления («все то, что вред и убыток

государству приключить может – суть преступления»), присущего предыдущему периоду истории русского уголовного права, и выработать критерий, исходящий из естественно-правового понимания справедливости. Различие между старым и новым пониманием преступления выражалось прежде всего в разном подходе к содержанию и структуре Уголовного Уложения» [17, с. 31].

Итак, с течением времени частноправовое начало в понимании преступления постепенно заменялось публично-правовым. Памятниками права выделялись гражданско-правовые деликты и проступки, разграничивались меры ответственности за них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 544 с.
2. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Российское право, 1992. 384 с.
3. Энгельман И. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1855. 199 с.
4. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота: историко-юридическое исследование. М.: Московский университет, 1951. 208 с.
5. Проценко Ю.Л. Государство и право Руси в период феодальной раздробленности (XII–XIV вв.). Волгоград: ВолГУ, 2001. 60 с.
6. Рожнов А.А. Уголовное право Московского Государства (XIV–XVII вв.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижений, 2007. 172 с.
7. Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. С. 55.
8. Антонов Д.И. Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 42–53.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.
10. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
11. Бабицкий Б.Е. Общественно-политический строй и право в период образования русского централизованного государства (XIV–XV вв.). Минск: Белорусский университет, 1957. 42 с.
12. Рогов В.А. Уголовное право и внутренняя политика русского государства: анализ хроники С. Герберштейна «Записки о московитских делах» // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики: сборник научных трудов. М.: ВЮЗИ, 1986. С. 3–24.
13. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
14. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
15. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи. Репринтное издание. Кн. 5. Т. 15. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1885. 262 с.
17. Омельченко О.А. Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» в развитии русского уголовного права во второй половине XVIII в. // Вопросы истории

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF OFFENCES DURING THE PERIOD FROM THE 9TH TO THE MIDDLE OF 19TH CENTURY

© 2015

A.N. Fedorova, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil law and procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: offence; crime; misdemeanor; law records.

Abstract: The article describes the concept of offence in different historical epochs. Based on the content of the law records, the author highlights the peculiarities of the approaches to the understanding and essence of the specified phenomena.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2015

Т.В. Шутемова, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права Самарский государственный экономический университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: криминалистическая тактика; тактика допроса подсудимого; государственный обвинитель; состязательность судопроизводства.

Аннотация: Рассматриваются вопросы, касающиеся тактики допроса подсудимого государственным обвинителем в условиях состязательного судопроизводства.

Закрепление принципа состязательности в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) вызвало интерес ученых и практиков к проведению судебного допроса в ходе судебного следствия при рассмотрении в суде уголовного дела. В последнее десятилетие непосредственно судебному допросу в уголовном процессе посвящен ряд диссертационных и монографических исследований [1–4].

Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит, как определено в ст. 14 УПК РФ, на стороне обвинения, которая и представляет доказательства первой в судебном заседании (ч. 1 ст. 274 УПК РФ). Отметим, что как таковые показания подсудимого не включены в перечень доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где говорится о показаниях подозреваемого, обвиняемого. Подсудимым именуется обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), и далее в УПК РФ разъяснено, что показания обвиняемого – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе судебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями ст. 173, 174, 187–190 и 275 УПК РФ (ст. 77 УПК РФ). Полагаем, что указанная некорректность могла бы быть исключена дополнением п. 1 ч. 2 ст. 74 и ст. 77 УПК РФ словами о показаниях подсудимого.

С разрешения председательствующего, подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия, в том числе и в период представления доказательств стороной обвинения. Однако даже если подсудимому будет разрешено давать показания во время представления доказательств государственным обвинителем, первыми его будут допрашивать защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, а затем государственный обвинитель и участники со стороны обвинения (ч. 1 ст. 275 УПК РФ). Вопрос о том, кто должен первым допрашивать подсудимого и когда подсудимый должен давать показания, в юридической литературе является дискуссионным. Так, С.А. Александрова полагает, что ч. 1 ст. 275 УПК РФ должна быть сформулирована в такой редакции: «При согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения, затем защитник и участники судебного разбирательства со стороны

защиты» [5, с. 9]; с этим предложением согласны А.С. Виноградов и А.А. Хайдаров, поскольку, по их мнению, стороны будут исследовать доказательства, так или иначе связанные с действиями подсудимого и его личностью, а от его процессуальной позиции зависит в ряде случаев, состоится ли вообще судебное следствие, когда речь идет об особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [6, с. 101]. В то же время Е.Б. Кузин, отстаивая современную редакцию ч. 1 ст. 275 УПК РФ, предлагает уточнить ее указанием на форму свободного рассказа, а именно: «При согласии подсудимого дать показания, в том числе в форме свободного рассказа по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела, первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты...» [7, с. 7]. Большинство проанкетированных прокурорских работников (данные П.И. Зинченко) считают целесообразным допрашивать подсудимого до исследования доказательств по делу [4, с. 149]. Несомненно, первичное проведение государственным обвинителем допроса подсудимого и допрос подсудимого в начале судебного следствия с позиции обвинения являются предпочтительными, особенно когда подсудимый признает свою вину, поскольку позволяют определить наиболее эффективную тактику действий государственного обвинителя, однако это не в полной мере согласуется с принципом состязательности сторон, в соответствии с которым подсудимый отнесен к стороне защиты.

Первую официальную информацию об избранной подсудимым позиции в суде прокурор, поддерживающий обвинение, получает в начале судебного следствия, когда после изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения председательствующий опрашивает последнего, выясняя, понятно ли ему обвинение, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). При подтверждении отказа от признания вины либо при негативном изменении позиции подсудимого перед государственным обвинителем встает задача так определить порядок представления обвинительных доказательств, чтобы к моменту допроса подсудимого максимально исключить возможность иной интерпретации события, чем изложено в обвинении (например, избрать последовательность предъявления доказательств по последо-

вательности развития преступного деяния либо по мере возрастания силы доказательств). Как правило, подсудимый дает показания после предъявления всех доказательств обвинения и излагает свое мнение о произошедшем событии [8, с. 85].

Е.А. Алтаев совершенно обоснованно выделяет отличительные черты допроса в судебном заседании, обуславливающие тактику государственного обвинителя при производстве допроса подсудимого: 1) предмет допроса; 2) публичность; 3) отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве упоминания о продолжительности времени допроса; 4) относительная скоротечность; 5) различные позиции и интересы участников производства допроса; 6) отдаленность во времени от совершенного преступления; 7) официальный характер; 8) преобладание большой значимости невербальной информации; 9) одномоментный характер; 10) отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве упоминания о свободном рассказе; 11) проблематичность установления психологического контакта; 12) проблематичность применения тактических приемов, разработанных криминалистической наукой; 13) специфика протоколирования; 14) непосредственность, непрерывность [2, с. 18].

К этим общим отличиям применительно к допросу подсудимого мы бы добавили еще и полную осведомленность подсудимого о доказательствах обвинения, опыт участия в допросах, вторичную очередность допроса подсудимого во время судебного следствия для государственного обвинителя. Кроме того, следует учитывать, что если версия о том, что подсудимый – это действительно то лицо, которое совершило инкриминируемое ему преступление, верная, то подсудимый может быть единственным человеком, который знает совершенное им деяние от начала до конца, в то время как сторона обвинения восстанавливает картину происшедшего, и во многом от качества допроса зависит осознание подсудимым доказанности его вины, даже в случае ее отрицания. При прочих положительных условиях (сохранение базы доказательств обвинения в суде) указанные факторы определяют возможности применения государственным обвинителем тактических приемов при допросе подсудимого в суде.

Наиболее сложной является судебная ситуация допроса подсудимого, дающего ложные показания, причем нужно различать ситуации, когда лицо давало ложные показания во время предварительного следствия и продолжает оставаться на той же позиции в суде, и ситуации, когда лицо в суде частично или полностью изменяет свои прежние признательные показания, выдвигая новую версию защиты. Особенности производства допроса в суде, как правильно отмечают многие авторы, не позволяют государственному обвинителю применить в полной мере тактические приемы, направленные на избобление допрашиваемого во лжи. Так, справедливо отмечено, что в суде неприменимы тактические приемы, связанные с длительной подготовкой или доверительной обстановкой, утрачивается внезапность допроса и ограничивается внезапность вопроса [9, с. 80], невозможно применение такого приема, как «допущение легенды» [10, с. 487]. Полагаем, что к неприменимым в суде также можно отнести такие приемы, как «форсирование темпа допроса», «использование инерции», «создание напряжения», а к относительно применимым – «отвлечение внимания», «заполненность», «вызов».

Становится востребованной в современный период тактика перекрестного допроса, особенно в суде с участием присяжных заседателей. Понятие перекрестного допроса в УПК РФ на данный момент отсутствует, а высказанные в литературе предложения варьируются от дополнения ст. 5 УПК РФ понятиями «прямой судебный допрос», «перекрестный судебный допрос», «шахматный судебный допрос», «передопрос в суде» [7, с. 7] до дополнения УПК РФ статьями «Прямой допрос»,

«Перекрестный допрос», «Передопрос», «Ограничение на проведение перекрестного допроса», «Полномочия судьи при судебном допросе» [11, с. 10–11], в которых определяется процедура проведения названных судебных допросов. По мнению С.И. Конева, препятствиями для применения перекрестного допроса в современном русском уголовном судопроизводстве являются: вторичность судебного следствия, судебного доказывания по отношению к досудебному расследованию, доказыванию фактов; господствующее убеждение о необходимости активной роли суда в судебном доказывании; низкая культура судебных деятелей; абсолютный запрет навязывающих вопросов; негативное отношение председательствующего к попыткам проверить надежность свидетеля («исследовать репутацию свидетеля») [1, с. 260–274]. Согласимся с С.И. Конева, что сложно говорить о состязательности при осуществлении в суде проверочно-удостоверительной деятельности, однако и ее мнение о том, что наличие или отсутствие фактов зависит от того, поверил или нет судья сообщениям допрашиваемых в ходе судебных допросов [1, с. 263], полагаем, носит отенок субъективизма.

Проведение перекрестного допроса подсудимого требует от прокурора владения тактическими приемами детализации, конкретизации, сопоставления, знания психологии, логики, рефлексивных технологий, умения формулировать вопросы, знания материалов уголовного дела.

Итак, изменения УПК РФ влекут изменения в тактике проведения государственным обвинителем тех или иных действий. Криминалистическая составляющая деятельности прокурора становится для него весьма важной, поскольку от знания и владения государственным обвинителем тактикой допроса подсудимого зависит качество поддержания государственного обвинения в условиях состязательности судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). М.: Юрлитинформ, 2014. 584 с.
2. Алтаев А.Е. Тактика допроса подсудимого государственным обвинителем в судебном заседании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
3. Зинченко П.И. Тактика производства допроса государственным обвинителем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 233 с.
4. Зинченко П.И. Тактика производства допроса государственным обвинителем. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.
5. Александрова С.А. Судебные действия, осуществляемые судом в уголовном судопроизводстве: понятие, виды, процессуальный режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010. 24 с.
6. Виноградов А.С., Хайдаров А.А. Процессуальные особенности производства допроса подсудимого в ходе судебного следствия // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 4. С. 101–103.
7. Кузин Е.Б. Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 24 с.
8. Ким Д.В., Корчагин А.А. Психологические и тактические особенности допроса подсудимого в суде по делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 85–88.
9. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. СПб.: Питер, 2001. 160 с.
10. Алтаев Е.А. Актуальные вопросы определения сущности и видов тактических приемов, применяемых государственным обвинителем на судебном допросе //

PROBLEMS OF TACTICS OF INTERROGATION OF THE ACCUSED BY THE PUBLIC PROSECUTOR UNDER ADVERSARIAL PROCEEDINGS

© 2015

T.V. Shutemova, senior lecturer of Chair of Criminal Law of Institute of Law
*Samara State Economic University, Samara (Russia)**Keywords:* criminalistic tactics; tactics of interrogation of the accused; public prosecutor; adversarial proceedings.*Abstract:* The questions of the tactics of interrogation of the accused by the public prosecutor under adversarial proceedings are considered.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

© 2015

Л.Е. Ютяева, преподаватель кафедры «Гражданско-правовые дисциплины»
*Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)**Ключевые слова:* правовая система; рецепция; правопреемственность; городское право.*Аннотация:* Статья посвящена некоторым особенностям развития российской правовой системы в первой четверти XVIII в., дается понятие рецепции права, рассматривается рецепция западноевропейского права в российское законодательство, в том числе в сфере городского права.

В современном мире нет ни одной правовой системы, которая изначально и до конца развивалась исключительно за счет своих внутренних ресурсов, не взаимодействуя с правовыми системами других государств.

Актуальность рассмотрения вопроса о влиянии иностранного права на российскую правовую систему состоит, прежде всего, в том, что ее становление шло сложно и противоречиво. Значительную роль в этом процессе играло восприятие зарубежного опыта. Практика свидетельствует, что на протяжении становления и развития российской правовой системы, с одной стороны, рецепция выступала необходимой предпосылкой продвижения правовой системы по пути прогресса, с другой – использование рецепции зачастую могло дать нежелательные осложнения и привести к отторжению заимствованных институтов, воспринятых без учета традиционных культурных основ российского права.

Становление и развитие национальной правовой системы находится под влиянием различных факторов. Также различные факторы оказывают влияние на процесс рецепции права. Среди них можно назвать социальные, экономические, политические, культурные и многие другие факторы. Еще в IX в. между славянскими племенами и Византией были заключены договоры, которые стали одними из первых источников писаного права на Руси. Среди ключевых моментов византийской рецепции можно выделить проникновение на Русь конституирующих правовых конструкций из римского права, определивших дальнейшее развитие российской правовой системы. Одним из крупных этапов рецепции зарубежного права в России можно назвать первую половину XVIII в., в частности годы правления Петра I, характерным для этого периода является практически полное копирование западного (шведского, датского, германского, французского) права. Целью данной работы является определение наличия влияния иностранного права на процесс становления и развития российского права в первой четверти XVIII столетия, а также выявление определенных тенденций и закономерностей этого процесса.

Для наиболее полного рассмотрения данного вопроса следует дать определения понятиям, раскрывающим сущностные особенности влияния правовых систем друг на друга. К ним можно отнести такие термины, как «рецепция права», «преемственность в праве», «аккультурация», «имплементация» и др. Наиболее правильным видится отражение данных понятий не только и не

столько через обычное их определение, а в том числе и через соотношение их содержания с понятиями, близкими по значению, и раскрытие наиболее существенных различий между ними.

Основополагающими в данном случае можно назвать понятия «рецепция права» и «правопреемственность», содержание которых и следует раскрыть.

В.Н. Протасов отмечал, что слово «receptio» как «принятие» означает, что принимаются могут элементы современных правовых систем, а также прошлый правовой опыт, который и является в этом случае «правопреемственностью» [1, с. 182].

Что касается термина «правопреемственность», в словарях не дается его толкования. В научной литературе нет единого мнения по этому поводу: ряд авторов отождествляет правопреемственность с рецепцией, другие считают одно входящим в состав другого. Так, осуществляя исследования рецепции в российском праве, Е.Ю. Курышев определяет ее как «сложное явление, которое включает в себя процессы преемственности, восприятия, повторяемости и заимствования права, выработанного в другом государстве (правовой системе) в силу исторической преемственности и связи правовой культуры государств, социально-экономические условия которых сходны» [2, с. 194]. Таким образом, автор рассматривает преемственность в качестве элемента рецепции.

Думается, что рецепцией права можно назвать любое заимствование одной правовой системой элементов другой правовой системы, термином «преемственность» же следует обозначать лишь правовое заимствование тех правовых институтов, которые испытываются временем.

Основным источником права в период становления абсолютной монархии оставалось Соборное уложение 1649 г., чья правовая сила неоднократно подтверждалась указами. В первой четверти XVIII в. круг источников существенно расширился, пополнившись следующими видами актов:

1. Регламенты – акты, определяющие общую структуру, статус и направления деятельности отдельных государственных учреждений; могут объединять в себе законодательные основы с инструкциями.

2. Манифесты. Они издавались монархом и были обращены ко всему населению и всем учреждениям. В этих актах монархом объявлялось о его требованиях, правах, намерениях, а также о каком-либо чрезвычай-

ном событии, например о вступлении монарха на престол, о политических событиях и акциях, начале войны или подписании мира. Особым видом являлся всемирно-известнейший манифест, в котором, как видно из названия, монарх даровал милости определенным лицам, указанным в манифесте.

3. Именные указы. Также издавались и подписывались монархом. В них формулировались решения, относящиеся к конкретным государственным учреждениям или должностным лицам: Сенату, коллегиям, губернаторам. Они могли дополняться уставами, учреждениями или регламентами.

4. Указы. Могли издаваться монархом или от его имени Сенатом и были нацелены на решение конкретного дела или случая, введение или отмену конкретных учреждений, норм или принципов деятельности. Адресовались они, как правило, определенному органу или лицу и были обязательны только для них. В форме указов выносились судебные решения Сената. В Петровский период в среднем в год издавалось около ста шестидесяти указов.

5. Уставы – сборники, содержавшие нормы, относящиеся к определенной сфере государственной деятельности.

Огромное число нормативных актов, регламентировавших все сферы жизни, нуждалось в систематизации. Попытка синтезировать вновь принятые правовые нормы и нормы действующего Соборного уложения осуществлялась на протяжении длительного времени в первой четверти XVIII в. Необходимость рецепции норм иностранного права, связанная с изменением геополитической ориентации страны, потребовала значительной работы по освоению и переработке иностранных (шведских, германских, французских, датских) кодексов [3, с. 123]. Результатом этого стало издание ряда уставов и регламентов с элементами иностранного права: Воинского устава [4, с. 123], Морского устава [5, с. 2], Духовного регламента [6, с. 314] и ряда других [7, с. 249]. Рецепции также подверглись и нормативные акты, содержащие нормы городского права: Регламент (устав) Государственной Коммерц-Коллегии [8, с. 671], который содержит нормы о рассмотрении этой коллегией привилегий, данных городам, и о ее надзоре за состоянием городов и исполнением городских уставов; Регламент или Устав Главного Магистрата [9, с. 291], где в главе II определяются обязанности данного органа в отношении городского управления, а глава X посвящена «полицейским делам».

В качестве примера рецепции западноевропейского права хотелось бы привести следующие примеры. В 1714 г. был принят Именной указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»; можно сказать, что в нем законодатель, ориентируясь на западный правовой опыт, попытался внедрить принцип майората, при котором наследовал старший сын: «А буде при себе не определит, тогда определится указом недвижимое по первенству большому сыну в наследие, а движимое другим равною частию разделено будет; то ж разумеется и о дочерях» [10, с. 91]. Русская же правовая традиция до принятия этого указа стояла на стороне младшего сына, по обычаю наследовавшего отца.

28 февраля 1720 г. был принят и утвержден «Генеральный Регламент или Устав, – по которому Государственные Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданейше поступать имеют» [11, с. 141]. Характерно, что за его основу был взят шведский

Канцелярский устав 1661 г. Использование зарубежного опыта в этом вопросе неслучайно. Законодательство Швеции в начале XVIII столетия было одним из передовых в Европе. Генеральный регламент, или Устав коллегиям, охватывал всю сферу нового административного законодательства. Структура регламента была ориентирована на объекты регулирования: положения об обязанностях и должностях коллегий и государственных учреждений вообще, определенные сферы и формы их деятельности, установление состава и категории служащих, нормы административной ответственности и т. д. Регламент состоял из введения, 56 глав, а также приложения с толкованием иностранных слов [11, с. 160].

Итак, в период правления Петра I активно происходила рецепция западноевропейского права, это было обусловлено рядом причин, от личностных особенностей правителя до назревшей необходимости систематизации большого объема нормативных источников, регулирующих сходные общественные отношения, кроме того, немаловажную роль сыграли внешнеполитические отношения России того периода.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протасов В.Н. Теория права и государства. М.: Юрайт, 2001. 219 с.
2. Курьшев Е.Ю. Рецепция в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 194 с.
3. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории и права России. М.: ПРОСПЕКТ, 1998. 469 с.
4. Воинский устав: № 3006 от 30 марта 1716 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V, Ч. I. 788 с.
5. Морской устав: № 3485 от 13 января 1720 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI, Ч. I. 815 с.
6. Регламент или Устав духовной коллегии: № 3781 от 25 января 1721 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI, Ч. I. 815 с.
7. Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретические вопросы. Омск: ОмГУ, 2009. 257 с.
8. Регламент (устав) Государственной Коммерц-Коллегии: № 3318 от 3 марта 1719 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V, Ч. I. 788 с.
9. Регламент или Устав Главного Магистрата: № 3708 от 16 января 1721 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI, Ч. I. 815 с.
10. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: именной № 2789 от 23 марта 1714 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V, Ч. I. 788 с.
11. Генеральный регламент или Устав: № 3534 от 28 февраля 1720 года // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI, Ч. I. 815 с.

© 2015

L.E. Yutyayeva, lecturer of Chair “Civil law disciplines”
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: legal system; reception; succession; city law.

Abstract: The article is devoted to some features of development of the Russian legal system in the first quarter of the 18th century, the concept of reception of the law is given, reception of the West European law in the Russian legislation, including in the sphere of the city law is considered.

УДК 340

ОБ ИСТОЧНИКАХ ГОРОДСКОГО ПРАВА И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ В ЗАПАДНОЙ РОССИИ
XVI В.

© 2015

К.В. Якушкин, курсант
А.А. Талынева, курсант
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Ключевые слова: источники права; городское право; магдебургское право; судопроизводство.

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые особенности организации и деятельности суда в городах Западной России, которые в XVI в. обладали магдебургским правом. Поставлена проблема выявления правовых основ деятельности суда в рассматриваемых городских общинах.

С самого начала XVI в. западнорусские города, находившиеся под польско-литовской властью, в течение всего рассматриваемого периода получают подтвержденные грамоты, призванные обновить прежние грамоты, предоставлявшие им городское (магдебургское) право. В связи с этим во многих случаях такие грамоты начинаются с указания на то, что члены определенной городской общины (мещане такого-то города или места) обращаются к правителю с просьбой подтвердить ранее выданную грамоту: «Били намь чоломъ войть, и бурмистры и радцы, и вси мещане места Волковыйского, и клали передь нами привилей брата нашего, щастное памяти Александра короля и великого князя его милости, въ которомъ жо привилею выписано, ижь его милость... даль месту Волковыйскому право Немецкое Майтборское...» [1, с. 10].

Как правило, такие грамоты выдавались «мещанам», то есть горожанам, членам определенной городской общины [2, с. 2–3]. При этом важное место в грамотах уделялось организации суда, но правовые нормы, на основе которых происходило регулирование общественных отношений городскими судами, обычно не определялись, что привело к возникновению длительной дискуссии в исследовательской литературе.

В рамках данной статьи будут проанализированы некоторые особенности организации суда в городских общинах Западной России, обладавших магдебургским правом, а также будет рассмотрен проблемный вопрос о правовых основах деятельности суда в этих общинах.

Раздел грамот, где определялась организация суда, обычно следовал за клаузулами, в которых определялось освобождение от сборов и повинностей. Прежде всего, в этом разделе предусматривалось освобождение членов городской общины от подведомственности суду местных тиунов: «...его милость вызволил ихъ отъ судовъ и отъ всякихъ пошлинь тивуновъ Киевскихъ... и тивуны Киевские не мають ихъ судити и рядити, и пошлинь съ нихъ никоторыхъ брати...» [2, с. 2–3].

В некоторых случаях предоставление городского суда расписывалось более подробно: «Естли бы передь его милостью, альбо передь некоторыми зъ нихъ о делехъ великихъ и малыхъ, о злодейство и о розливанье крови, мужобойства, отнятья члонковъ и о иныхъ всихъ проступкахъ, позвани были, не мають отповедати, а ни суть обвязани никоторыхъ винъ платити; але мещане первореченого места только передь ихъ войтомъ, который на тотъ часъ будетъ, а войть только передь его милостью; и то, коли бы былъ позванъ черезъ его мило-

сти листъ, подь его милости печатью, тогда не иначе, только ихъ же правомъ Немецкимъ маеть отповедати» [1, с. 10].

Как видим, должностные лица местной и даже центральной администрации не могут вмешиваться в осуществление правосудия городскими органами в отношении членов городской общины. Как определение сферы компетенции судебных городских органов, так и указание на то, что только перед судом самого великого князя литовского и короля польского по его личной грамоте должны отчитываться исполнительные органы городского самоуправления, – все это в некоторой степени напоминает соответствующие формулировки губных грамот Московского государства XVI в. [3, с. 74–82]. Хотя следует признать, что в московских губных грамотах была своя специфика, а соответствующая часть о подсудности великому князю формулировалась через возможность обращения губных властей к главе государства: «А которому будет делу их старосте и целовальником управы учинить не мощно, и они о том доложат меня царя и великого князя» [4, с. 109].

Необходимо заметить, что в некоторых грамотах специально оговаривалось, что предоставление права суда городским властям ограничивалось определенным кругом дел; ряд наиболее тяжелых дел по-прежнему оставался в юрисдикции великого князя и короля: «А зъ моцы и зъ судовъ врядника Волковыйского ихъ его милость вызволил: нижъли, штос я дотычетъ кгвалту, пожого, розбою, всилства, то его милость на себе взялъ и на врядники свои» [1, с. 11].

При освобождении городских общин от суда местных должностных лиц, воевод, наместников и тиунов возникала проблема смешанной юрисдикции, когда одна сторона спорного дела подлежала юрисдикции городского права, другая – суду наместника. В таких случаях дело обычно рассматривалось по той правовой подсистеме, к которой принадлежал ответчик: «А которому мещанину дело будетъ до волостного человека, ино маеть державца Волковыйский, або наместникъ его, въ нашомъ дворе зъ войтомъ судити; а которому человеку волостному дело будетъ до мещанина, ино войть маеть зъ наместникомъ на ратуши судити, подле ихъ права» [1, с. 11]. При этом, как видим, создавался смешанный состав суда: при рассмотрении дела наместником на суде присутствовали представители городской общины, и наоборот, а место рассмотрения дела определялось опять же по подсудности ответчика.

Наконец, несмотря на передачу судебных полномо-

чий городским властям, верховная власть могла в жалованной грамоте оговорить свою долю с судебных пошлин: «А зъ винь местскихъ взяль его милость на себе по два гроши, а войтъ зъ винь и тежъ зъ ятокъ третий грошь» [1, с. 11]. Эта система в значительной степени напоминает распределение судебных пошлин, известное по договорным грамотам городов Северо-Западной Руси с князьями XIII–XV вв., которое нашло закрепление даже в Псковской судной грамоте [5, с. 32–34; 6, с. 39–40]. Однако на северо-западе Руси князь или его слуги непосредственно принимали участие в осуществлении правосудия, что и давало формальные основания для получения части судебных сборов. В польско-литовских жалованных грамотах рассматриваемого типа такого рода основания отсутствуют.

В целом разновидности судов, как это было характерно для средневекового права, составляли сложную систему. В исследовательской литературе выделяют различные классификации основных видов городских судов в рамках действия магдебургского права. Например, выделяют: 1) суд великий бургробский; 2) солтыский суд; 3) выложонный суд; 4) поточный суд; 5) гостинный суд; 6) так называемое «горячее право» (суд над преступником, непосредственно застигнутым на месте преступления). Также нередко систематизацию судов проводят несколько иначе: 1) войтовский (городской) суд; 2) гайные необходимые суды; 3) гайные обычные суды; 4) гайные попутные суды; 5) гайные неотложные суды; 6) бурграфские (большие) суды [7, с. 203]. Но эти виды судов не получают подробного раскрытия в материалах рассматриваемых грамот.

При предоставлении магдебургского права большое значение имела оговорка, что городское право обладает приоритетом перед нормами других подсистем права, с которыми оно может войти в противоречие на территории городской общины: «...право Немецкое што словеть Майтборское, даль и дароваль и записаль у вечность... отдаляючи вси иные права, Польские и Литовские и Руские, и вси обычаи иные, которые жъ бы были на переказе праву тому Немецкому Майтборскому» [1, с. 10].

В связи с этим следует обратить внимание на еще один важный вопрос, до сих пор убедительно не разрешенный в историографии. Это вопрос о том, на основе каких источников права действовало магдебургское право в русских городах Речи Посполитой. Согласно одной точке зрения, это были иностранные источники права (М.Ф. Владимирский-Буданов), согласно другой – местные обычно-правовые нормы (В.Б. Антонович). Наконец, существует еще один подход, согласно которому применение европейских книг магдебургского

права испытывало существенное воздействие со стороны местных правовых обычаев (А.Ф. Кистяковский) [8, с. 82].

А.Ф. Кистяковский подчеркивал, что магдебургское право перешло в Литву и Малороссию «не в виде точного и определенного закона, а в виде сборников, составленных частными лицами, хотя и состоявшими на службе государственной и общественной» [8, с. 78]. На наш взгляд, именно такой взвешенный подход находит подтверждение в грамотах, предоставлявших магдебургское право городам Западной России, и в записях судебных приговоров, которые сохранились до наших дней.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту № 15-03-00123/15 «Источники русского городского права в XIII–XVIII вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жалованная подтвердительная грамота Волковийским мещанам на магдебургское право и разные льготы 1507 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848. № 13.
2. Жалованная подтвердительная грамота литовского великого князя Сигизмунда киевским мещанам 1506 г. // Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1848. № 3.
3. Оспенников Ю.В. Губные грамоты XVI в. // Памятники российского права. В 35 т. Т. III, Кн. I: Памятники права Московского государства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 74–82.
4. Уставная грамота, данная крестьянам Плеския волости, 1551 г. // Губные и земские грамоты Московского государства. М.: Унив. тип., 1895. 247 с.
5. Оспенников Ю.В. Об особенностях изучения договорных грамот Новгорода с князьями XIII–XV вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 32–34.
6. Псковская Судная грамота // Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. I. XI–XIX вв. М.: Юристъ, 2009. 462 с.
7. Забашта А.С. Магдебургское право г. Львова как особая система городского права // Наука и современность. 2012. № 16–2. С. 199–208.
8. Кистяковский А.Ф. Права, по которым судится малороссийский народ. Киев: Унив. Тип. (И.И. Завадзкого), 1879. 1065 с.

ABOUT THE SOURCES OF CITY LAW AND JUDICIAL SYSTEM IN THE WESTERN RUSSIA OF THE 16TH CENTURY

© 2015

K.V. Yakushkin, cadet

A.A. Talyneva, cadet

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: sources of law; city law; Magdebourg right; legal proceedings.

Abstract: In article some features of the organization and activity of court in the cities of the Western Russia which in the 16th century had the Magdebourg rights are considered. The problem of identification of legal bases of activity of court in the considered city communities is put.

НАШИ АВТОРЫ

Буторин Леонид Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права.
Адрес: Российский университет кооперации, 141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30.
Тел.: 8(962)9452803
E-mail: leonbutorin@rambler.ru

Горшенина Наталья Петровна, курсант.
Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Забурдаева Кристина Александровна, магистрант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445067, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 58.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Кадакоева Мариет Масхудовна, кандидат юридических наук, судья.
Адрес: Верховный Суд Республики Адыгея, 385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 32.
Тел.: (8772) 52-74-25
E-mail: mkadakoeva@mail.ru

Калинич Валентина Евгеньевна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, 59.
Тел.: +79649874148
E-mail: kat-90-10@rambler.ru

Кирдяпкина Надежда Ивановна, магистрант кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: 89171344897
E-mail: nadya.kirdyapkina@yandex.ru

Кот Марина Константиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское и предпринимательское право».
Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443041, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
Тел.: (846) 933-87-18
E-mail: mkroz@mail.ru

Моторин Алексей Игоревич, магистрант Института права.
Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
Тел.: (8846) 933-87-81
E-mail: mot001@mail.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовный процесс и криминалистика».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: 89093647469
E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Николайченко Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданский процесс».
Адрес: Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
Тел.: +79053258359
E-mail: olga-nikolajchenko@yandex.ru

Оспеников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права.
Адрес: Самарская гуманитарная академия, 443011, Россия, г. Самара, ул. Радиальная 8-я, 2.
Тел.: 89272966718
E-mail: desmandado@yandex.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и криминология».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445067, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 58.
Тел.: (8482) 53-94-31
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Смагина Анастасия Юрьевна, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: 89879612811
E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Талышева Алевтина Александровна, курсант.

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Тел.: +79171630339

E-mail: kuku.alevt@yandex.ru

Федорова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-29

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права.

Адрес: Самарский государственный экономический университет, 443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тел.: (846) 933-87-81

E-mail: shutemtv@rambler.ru

Ютяева Любовь Евгеньевна, преподаватель кафедры «Гражданско-правовые дисциплины».

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

Тел.: 89171132183

E-mail: YutyaevaLyubov@bk.ru

Якушкин Клим Вячеславович, курсант.

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 «В».

OUR AUTHORS

Butorin Leonid Aleksandrovich, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair of common law.

Address: Russian University of Cooperation, 141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 12/30.

Tel.: 8(962)9452803

E-mail: leonbutorin@rambler.ru

Fedorova Anna Nikolaevna, candidate of legal sciences, Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil law and procedure”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-94-29

E-mail: an_fedorova@mail.ru

Gorshenina Natalya Petrovna, cadet.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 «V».

Kadakoeva Mariet Maskhudovna, candidate of legal sciences, Judge.

Address: Supreme Court of the Republic of Adygea, 385000, Russia, Republic of Adygea, Maikop, Zhukovsky Street, 32.

Tel.: (8772) 52-74-25

E-mail: mkadakoeva@mail.ru

Kalinich Valentina Evgenyevna, graduate student of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakov Street, 59.

Tel.: +79649874148

E-mail: kat-90-10@rambler.ru

Kirdyapkina Nadezda Ivanovna, graduate student of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Samara region, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 89171344897

E-mail: nadya.kirdyapkina@yandex.ru

Kot Marina Konstantinovna, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair “Civil remedial and enterprise law”.

Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: (846) 933-87-18

E-mail: mkroz@mail.ru

Motorin Aleksey Igorevich, graduate student of Law Institute.

Address: Samara State University of Economics, 443090, Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: (8846) 933-87-81

E-mail: mot001@mail.ru

Mychak Tatyana Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Criminal trial and criminalistics”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Samara region, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 89093647469

E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Nikolaychenko Olga Viktorovna, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair “Civil Process”.

Address: Saratov State Law Academy, 410056, Russia, Saratov, Volskaya Street, 1.

Tel.: +79053258359

E-mail: olga-nikolajchenko@yandex.ru

Ospennikov Yuriy Vladimirovich, Doctor of Laws, Professor of Chair of the theory and history of state and law.

Address: Samara Humanitarian Academy, 443011, Russia, Samara, Radialnaya Vosmaya, 2.

Tel.: 89272966718

E-mail: desmandado@yandex.ru

Savelyeva Olga Yurievna, candidate of legal sciences, assistant professor of Chair “Criminal law and criminology”.

Address: Togliatti State University, 445067, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 58.

Tel.: (8482) 53-94-31

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Shutemova Tamara Vasilyevna, senior lecturer of Chair of Criminal Law of Institute of Law.

Address: Samara State Economic University, 443090 Russia, Samara, Soviet Army Street, 141.

Tel.: (846) 933-87-81

E-mail: shutemtv@rambler.ru

Smagina Anastasia Yuryevna, lecturer of Chair “Business and Labor law”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: 89879612811

E-mail: anastasiasmgn@rambler.ru

Talyneva Alevtina Aleksandrovna, cadet.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 «V».

Tel.: +79171630339

E-mail: kuku.alevt@yandex.ru

Yakushkin Klim Vyacheslavovich, cadet.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 «V».

Yutyaeva Lyubov Evgenyevna, lecturer of Chair “Civil law disciplines”.

Address: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 «V».

Tel.: 89171132183

E-mail: YutyaevaLyubov@bk.ru

Zaburdayeva Christina Aleksandrovna, graduate student.

Address: Togliatti State University, 445067, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 58.

Tel.: (8482) 53-94-31

E-mail: saveleva_olga@mail.ru